

СМЕНА

№ 6 МАРТ 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

**ОКНО
В МИКРОМИР**

Какое яркое имя на земле, почти всегда оказавшееся, что герой войны был труба или еще комсомолец. И это еще как представляется естественным, привычным — комсомолю по праву называют школой дисциплины, кузницей кадров. Можно уже говорить о целых комсомольских династиях, где несколько поколений прошли школу Ленинского союза молодежи.

Все комсомольцы страны стоят сейчас на трудовой вахте в честь предстоящего XVII съезда ВЛКСМ. Эта трудовая вахта имеет особый смысл — съезд открывается накануне величайшего события — пятидесятилетия со дня присоединения комсомолу имени Ленина. В манифесте ко всем комсомольцам, во всех рабочей и крестьянской молодежи, принятом на VI съезде ВЛКСМ, написано: «Не для красного словца, не из желания носить лучшие из всех имен, не только для того, чтобы почтить уважением память великого усопшего, приняли мы это решение. Нет, мы приняли его для того, чтобы все трудящаяся молодежь всех народов, населяющих СССР, вместе со своим передовым отрядом Коммунистическим Союзом Молодежи проходила единой школой и теорией решительности научиться по-настоящему работать и бороться, осуществлять заветы, оставленные нам своим же работником».

Комсомолец воспитал тысячи и тысячи героев. Но, кроме этих тысяч, есть у него миллионы воспитанников, которыми наш Союз тоже вправе гордиться. Эти люди не совершили ничего особенного, выдающегося и могут «показаться» разве только тем, что скромно, незаметно трудились, всегда честно вымолвив свой долг. Они, быть может, не задумываются о своем «месте в истории», но без них были бы невозможны ни свершения великих патриотов, ни трудовые подвиги советских людей. Без них не были бы невозможны те нравственные ценности, которыми мы сильны.

Этот очерк — именно о таких людях, о нравственном единстве поколений, воспитанных Ленинским комсомолом.

Лина ТАРХОВА

Фото Альберта ЛЕХАУСА

Солнце, весь день палившее с высоты, резко покатилось за синюю пилу бора, мигнуло напооследок и скрылось. На дальней улице, «линейке» по-здешнему, игриво тычекат буталом корова. На соседней площадке с угрюмым солнцу сидят старики.

Молодежь стянута к клубу. Кажется, сейчас в поселке, словно забором, обнесено паучьином степом, дождовата одна только заводская труба. Трудились, красная, кирпичная, легко выдыхает неясные дымы.

Расквашивают, что стекловый завод в Большой Вишере (до революции «инициация на Николаевской железной дороге») начал строиться после того, как лыкие братья Курженковы встретили темной ночью в лесу почему-то карету (навал верный человек, за что и получила тысячу долларов). Курженковичом досталось тридцать тысяч.

Братья оказались удачливыми в делах. Быстро поставили два стекловых завода (второй — в Малой Вишере), раскопавшие, получили звания купцов первой гильдии. Но жили не богато. Один Курженков, пьяный, завалился на быстром ходу из коляски и расшиб голову о придорожную тумбу. Второго погубила страсть к оригинальности. Увидев в Питере Чинисля шагоглотателя, загорелся мыслью научиться этому искусству. Смазал шагу саом, вылил воды воню для хвратости и скончался после первого зуда.

Хозяев не стало, а труба прилежно дымилась. Вскоре возростерный рева заводского гудка возвестил о начавшейся в Питере революции. И в городе стромый толп провозглашал на борбу с Колчаком и Лениным три добровольческих отряда.

После Великой Отечественной войны, когда вернулись в разрушенную страну обломки жителей поселка, увидели: трубы нет, завода нет, в коридорах разбомельных цехов плачут молодые ивы.

Все большевишеры, кто был в состоянии ходить, держать в руках мастерок, восстанавливали завод. Потом заготовили для него дрова. Расставивши печурку в три километра, перефавали из рук в ру-

ки хворост, поленя, тяжелые корневича...

Ба сто без малого лет существовали Большевишерыский стекловый завод, конечно, вырос. Раскинулся вишир и поселок. Но, как сотни его собратей, маленьких заводиков, не сумел стать объектом важного значения, не был ни разу объявлен ударной стройкой. Для этого продукция у завода несерьезная, неважно, что идет нарасхват: вазы, салатницы, графини, стаканы и рюмки.

Заводу давно обещана реконструкция («Понимаете, мы в списке первой стройки»), но ее отодвигают и отодвигают.

Деньги у завода есть — из года в год он перевыполняет план, растут и копятся прибыли. Вот и хитрят большевишеры: то под видом ремонта станков покупают комбайны, то под видом ремонта же начнут асфальтировать ухабистую дорогу. Десять километров отдают поселкам от районного центра — Малой Вишеры. Восемь с половиной из них (считая от Малой Вишеры) успели заасфальтировать, но тут настала «партизан» караманья рука. Виновные получили по выговору. Строительство дороги прекратилось. Поселковые куры, как и прежде, купаются в пыли. А их хозяева, катапультируясь, ки автобусных пресел в первом же ухабе, выдыхают: «Эх, не успели!»

Мимо платформы «Большая Вишера», обдавая гуляющих равнодушным, проносится поезд. В двух часах — едешь Ленинград, в пяти — Петербург. Вдвигавшись в мелькающие окна вагонов, вишерские парни и девчата (девич в поселке больше, чем ребят) видят в поездах много свободных мест. Не их ли дождиваются?

Потом их матери при случае хвалят соседки: «Моты (той же фамилии) — большому горюе жить хочется». Волода никогда не являлся уехать из поселка. Правда, в армии специально «танул» на I-й класс (он был командиром танка), чтобы потом вольно жить гдгач в геологических партиях. Хотелось пометаться, посмотреть свет. Но что тогда обязательно вернуться домой, никто из их семьи еще не помыслил. А вышло не так. Приехал на побывку, увидел

заплаканные глаза бабунки, матери и сестры, обняв отца, провели рукой по аккуратно сложенной поленнице... Он тапых познакомился с Лядой. Вот история: они учились несколько лет в соседних классах и друг друга не заметили. Смутное детское воспоминание: по улице идет маленькая девочка с огромным комсомолом. А вдерка тоже маляра, но познакомилась столько лет спустя, от родной вилы нигде не хотелось уезжать. После демобилизации поступила на завод слесарем, работница привилась. Женяся. Родилась Лариса...

Все так же познакомился с Ларисой, прочном доме Ростовских — Георгия Семеновича, Надежды Александровны и комсомладки Летиции Саше — Шурику, как ее называют дома. До того я много раз встречалась с Ростовскими. Эта семья — одна из самых уважаемых в поселке, все ее члены работали или работают на заводе, и работают отлично.

После встречи и разговоров в разлуку, прочном доме Ростовских я решила задать им вопросы, на которые легче ответить наряде с листом бумаги. (Попросила при этом писать, не советую и не показывая ответы друг другу; просьбу мою все выполнили.)

Я расскажу подробно о том, что было написано четырьмя разными почерками. Но вот ответ, самый для

СТИХА

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 6 [1124]

МАРТ
1974

НАША ОБЛОЖКА:
СЛАН ПОМОГАЕТ ЗАГЛЯ-
НУТЬ В ДОСЕЛЕ НЕВЕДО-
МЫЙ МИР.

Фото Виктора САЙКА

РЕПОРТАЖ ИЗ БИОЛОГИЧЕСКОГО
ЦЕНТРА В ПУШИНЕ
ЧИТАЙТЕ НА СТРАНИЦАХ
12 — 14.

меня неосозданный и потому пора-
зительный: «Многого, чего хотел, я
уже достиг».

Найдутся ли еще мужчины два-
дцати пяти лет, которые могут сде-
лать такое признание? Ведь это вопро-
су людям взрослым, таким, как отец
Володя, Георгий Семенович (он ра-
ботает на муфельных печах), кото-
рый, без сомнения, вправе написать:
«Я, конечно, доволен тем, чего достиг»,
— или мать, Надежда Александровна:
«Довольна. Я всегда мечта-
ла считать на счетах, на машинах.
Я 25 лет на счетной работе... У ме-
ня двое детей, и это мое счастье и
радость в моей жизни».

Позже я поняла, что и Володя
имел основания для своего призна-
ния.

Все ответы были искренни, в каждо-
м и узнавала уже полюбившихся
мне людей, не только добрых, обяза-
тельных, завидно дружных между
собой, но и значительных. Правда,
узнать, из чего складывается эта
значительность, было не просто.

Снова перечитываю те страницы,
перебираю все, что знаю об этой
семье...

«С раннего детства (очень слутно
пожино) любил забавлять и вычи-
слять маленькие железки» (Володя).
Отец сделал сыну молоточек, при-
катил толстый чурбак: «Или играй,
или работай, без дела не сиди». И
Володя тискал некими дилми то по
гвоздям, то по палкам, ржавел, но от
чурбака не отходил. Подрост и стал
помогать по хозяйству. А еще при-
страстился вышивать лобзиком
(брался за самые сложные узоры),
не стеснялся даже выпивать, крестом,
его работы возили и на районные
выставки. Когда подросла Шу-
ренка и мажисе заботы по дому пе-
редели на ее плечи, Володе купили
мотоцикл, и он без устали гонал по
окрестным дорогам. То был слож-
ный период (тот самый, переход-
ный), принесший в дом столько во-
лнений... Вспоминаю мальчишки ста-
рались говорить побасовские и, ко-
нечно, тайком покуривали.

6

РАБОЧАЯ ТРИБУНА «СМЕТЫ».
НАСТАВНИК.

8

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АНОНС.
Отрывок из романа
Михаила АЛЕКСЕЕВА

16

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
ЯСНАЯ ПОЛЯНА.

24

НЕ ВСТАВШЕ НА КОЛЕНИ.
Очерк о борьбе
американских индейцев.

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР «СМЕТЫ»
ПОСВЯЩАЕТСЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ЧЕЛЯБИНСКОМУ ТРУБОПРОКАТНОМУ ЗАВОДУ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАККОЛЛЕГИЯ: В. С. Абшин, Г. П. Елисеев, А. П. Кулешов, А. А. Лих-
нев [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного
редактора], В. Г. Поборонский, Р. И. Ромдестовский, Е. И. Рабоч-
нов, Г. В. Семенов, А. П. Серода, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный
художник]

Художник Г. С. Терзибашьянц Технический редактор Н. И. Будкина

ОН БЫЛ ДУШОЙ «МОЛОДОЙ КУЗНИЦЫ»

На снимке, который опубликован в журнале «Катеринославская комсомолка» «Молодая кузница» (№ 37, — 9 за 1924 год) и снабжен такими текстом: «И. Немцов — первый врач-комсомолец выпуска 1924 года выступивший boldly», изображен замечательный советский поэт Дмитрий Кедрин.

Он не было инспирированной — уже тогда Кедрин имеет право сказать о себе словами из «Поэдиана»:

«...Внею ли этот мальчик
В проектах галандских Нека,
Что ставило неадекватное
В полсеа свое судьбы!».

Молодой врач выпускник Днепропетровского медицинского института и одновременно ответственный секретарь газеты «Грядущая смена» («Молодая кузница» — приложение к ней), Герой Немков (К. И. Демковский) выступивший своего первого пациента, литературного соратника Дмитрия Кедрина.

Дмитрий Кедрин пришел в молодежную газету весной 1924 года. К этому времени при газете уже существовала литературная группа «Молодая кузница» и выходил одноименный журнал. Его редактором Владимир Немков, один из первых редакторов журнала «Смена».

Дмитрий стал душой группы, одним из наиболее плодотворных и талантливых ее поэтов. Его рост происходил не без влияния знаменитой Екатеринославской «тройки» — Сметлова, Голодного и Ясного, которые, хотя и были тогда времени уже москвичами, признавали и приносили свои юности, участвовали в работе группы литераторов печатали в газете и журнале новые стихи.

Вот что говорил в июне 1924 года на VIII губернской конференции комсомола секретарь губкома Василий Славов:

«В январе — 20 человек группы. В большинстве молодежи и комсомольцы. Имеется свой устав. Газ в неделю проходит заседания. Вышло пять номеров «Молодой кузницы». В районах Байдаком. Амур-Ниниладне-происком при комсомольских клубах организован отделении «Молодой кузницы». Проводятся литературно-художественные вечера в комсомольских и рабочих клубах.»

Большинство из них способствовало росту начинающих литераторов. Конечно же не все из них стали профессионалами. Но и те, кто выбрал иной жизненный путь — например, профессор С. А. Волотовский и К. И. Демковский — с благодарностью вспоминают своих горячих споров и спорные бывшего доема губернатора (сеодия Дирей инперон).

Дмитрий Кедрин в этот период много пишет. Он был еще вес в поисках своей темы, но уже тогда умел в двух-трех строках выразить «так много, как может только истинный поэт. Все свои новые стихи Кедрин печатал в «Грядущей смене», в журнале «Молодая кузница», в инспирированной газете «Звук голоса».

Большинство из них неизвестны сегодняшнему читателю: они не включены потом в сборники, вышедшие при его короткой жизни (Дмитрий Борисович пошел в 1945 году в возрасте 36 лет).

Мне удалось собрать немало его первых стихов, большинство из которых хоть и незрелы, но звучат и сегодня, через 50 лет, очень современно. Жаль, что до сих пор не предпринята попытка издать лучшее из раннего творчества замечательного поэта, преданного сына Родины, чью творчеством влился в жизнь и требую-т тщательного и любовного изучения.

Предлагаю читателю «Смены» ранние стихи Дмитрия Кедрина.

Владимир ТУРИН
г. Днепрпетровск

Если солнце расспалось искрами,
Не должны ли мы нежность отдать
Мальчугану с глазами лучистыми,
Освещающему наши года!

Если небо сегодня не прелестно,
Мы пойдем — это так оттого,
Что дорога, как небо, безбрежная,
К коммунизму его позовет.

Пусть мы знали и боль и потерю
И душа наша гневом болела,—
Для него не широкие джеры —
Мир громадный откроет весна.

Он не вспомнит и ужас подвала,
Оправданных комсомолар на нас,
Он узнает, что жизнь убавалась,
Над его колыбелью склонялся.

Эх ты, осень, рожью золотая,
Рвать травы у синих газ озер,
Скоро, скоро листьям отгаст
Мой зеленый, мой дремучий бор.

Заклуют на еземных дорогах
Стин avvol серебренную пыль.
Ты прирече и ливеше у порога
И тоской позолотишь ковыль.

Встанут вновь седых твоих туманов
Над рекою серые гряды.

Он пойдет не тропинкам горным
Под осколками ушедших лет,
И не будет знаменами черным
Ночь, над ним нависшая, шуметь.

Он придет, молодой и упорный,
Мир под ногами фану границ и,
Перед ним свои стаят узоры
Солнце в золоте ласки склопит.

И теперь, если услышу искрами
Наше солнце —
Должны мы отдать
Мальчугану с глазами лучистыми
нашу нежность
и наши года!.

(«Грядущая смена» № 58, 1924 г.)

Песня

Будто дым над чьим-то дальним ставом,
Над кочевьем Чингиза орды.

Будешь ты шуметь у мутных оков
У озер, где грусть стланих ив,
Твоей последний зловещий люком
Расцветает над широкою тлостик ив.

Эх ты, осень, рожью золотая,
Рвать травы и синих газ озер,
Скоро, скоро листьям отгаст
Мой стоетный, мой угрюмый бор.

(«Грядущая смена» № 66, 1924 г.)

Большой КОРИН

Пшеники и жена

Куда записки с ним друзья,
Она разупалась с дери матерой.
Он через дверь сказал «Немалая
Немалая, еще я не в порядке».

Велел закрыть он кабинет
На ключ скорей. И не дай боже,
Чтоб Натали еще на ложе
Таком увидела. О, нет!

Но все же кто-то уступил
Ей, перед дверью кинемологий,
И Пшеники аспермою о морорше,
И ждоды он попороси.

И тут же щелнула ключ за ней.
Назельсь, слышала прислуга —
Не должно пиндереть прислуга
В кровли лежащего супруга.

Морозуха дингал он рукой, Темнее и светлее взглядами, И Натали встала радод. И не было больше друзей.

Велел закрыть он кабинет
На ключ скорей. И не дай боже,
Чтоб Натали еще на ложе
Таком увидела. О, нет!

Но все же кто-то уступил
Ей, перед дверью кинемологий,
И Пшеники аспермою о морорше,
И ждоды он попороси.

И тут же щелнула ключ за ней.
Назельсь, слышала прислуга —
Не должно пиндереть прислуга
В кровли лежащего супруга.

Морозуха дингал он рукой,
Темнее и светлее взглядами,
И Натали встала радод.
И не было больше друзей.

Время

Я не заплачу,
И ты
Не заплачешь.
Копилка радость,
Развешена белая,
Будь тебе в жизни
Большая удача,
И дайте силы
Остаться собой.

Стави закрыты,
Заклоруты двери.
Дым мой,
Единственный дом,
Я тебе строю,
Я тебе верю,
Будь мне последним судом.

Не удержишь в заперте
И не предостережешь,
Переросли нас дети
На жарких спорах встреч.

Стромылики и Неглиной
Воду взглядами старух
Ведут подруг в обманку.
Не выпустят из рук.

И что им осуждены
Нелые голоса,
Когда со дня рождения
В их власти небеса.

Повымали дети
Сороковых годов,
Как никогда одеты
От шпаты до носков.

Баюкало их горе —
Военная беда.
Назлапура, как лорд
Людская красота.

Они живут, как маршалоны,
Достался им нелегкой быт,
С утра они уме на солнце,
А головы белые, как снег.

Они подтягивают гири,
Вверх дуг бегают своей,
Пока единственный их в мире
Не выпустят из дверей.

Как сомышко, он мильный, поздний,
И двое гнаются из сил,
Чтоб не сломили их возраст грозный,
И этого не знает сын.

У берега ногам плещет,
В спастельный одетый круг,
И радуется и трещает,
Одоевца свой недуг.

Поздний ребенок

Они живут, как маршалоны,
Достался им нелегкой быт,
С утра они уме на солнце,
А головы белые, как снег.

Они подтягивают гири,
Вверх дуг бегают своей,
Пока единственный их в мире
Не выпустят из дверей.

Как сомышко, он мильный, поздний,
И двое гнаются из сил,
Чтоб не сломили их возраст грозный,
И этого не знает сын.

У берега ногам плещет,
В спастельный одетый круг,
И радуется и трещает,
Одоевца свой недуг.

Они живут, как маршалоны,
Достался им нелегкой быт,
С утра они уме на солнце,
А головы белые, как снег.

Они подтягивают гири,
Вверх дуг бегают своей,
Пока единственный их в мире
Не выпустят из дверей.

Как сомышко, он мильный, поздний,
И двое гнаются из сил,
Чтоб не сломили их возраст грозный,
И этого не знает сын.

У берега ногам плещет,
В спастельный одетый круг,
И радуется и трещает,
Одоевца свой недуг.

Они живут, как маршалоны,
Достался им нелегкой быт,
С утра они уме на солнце,
А головы белые, как снег.

Они подтягивают гири,
Вверх дуг бегают своей,
Пока единственный их в мире
Не выпустят из дверей.

Как сомышко, он мильный, поздний,
И двое гнаются из сил,
Чтоб не сломили их возраст грозный,
И этого не знает сын.

И возвращаются со мной в палате,
К олимпиадотой гипсовой кровати.
Вся скопанная гипсовым корсетом,
Высчитывает яблон, конфеты
И дюлом

На олимпиадотой детей
И взгляд выводит из дверей.
И взгляда ее — то грустный,
то лукавый.

За ней ид — пристыженный,
неправый.

Средь девочек олимпиадотой
Я воровато озмраюса, медлю.
Ни казелью ведь не skutой я.
Коммуна,
Что это такое!.

И он не чувствует, как хлещет
Из руки на закате дня,
Как гаснут быстро их улыбки
В прощальном отблеске огня.

И все же прогнатьвет рука
Отц и матерн, смеясь,
И эти радостные прозвонки,
Как золотой их прозвонки.

Они им своим прибавляют,
И востро тхизмуют в смн,
И двое тихо прислаивают,
К нему люком обрещенном.

И только луч их векн тронет,
Они безропотно встают,
И снова двое в маршале
Скоропровоце за дверью иудт.

Олять подтягивают гири,
Бегут, как пара пристыжены,
Нет няного счастьявет в мире
И никого печальной их.

Наша задача — создать такую общественную организацию по охране природы и так разработать формы и методику ее работы, чтобы наш пример подавали и дружины по охране природы стали массовыми в стране.

Эти слова первого командира дружины биологов МГУ сказаны в 1960 году. Прошло 13 лет. Что стало за это время с дружиной? Давайте вернемся к началу шестидесятых годов.

Тогда, пожалуй, еще продолжался период, когда «не мидли милостей от природы... Но становилось ясно, что так продолжаться не может. В это время был принят Закон об охране природы в СССР. Однако, чтобы вытравить потребительскую психологию, желание синопичной выгоды, нужна была огромная пропагандистская работа, а подчас и практические, действенные меры,

всего факультета МГУ на своей конференции приняли резолюцию о необходимости создания дружины по охране природы. А 13 декабря собрание общественности и комсомольцев факультета постановило создать такую дружину. Это и был ее день рождения, отсюда исчисляются годы ее жизни и работы. Тогда же, в декабре, были определены основные задачи дружины. Сразу был избран штаб. Деянами факультета были назначены кураторы дружины В. Н. Тихомиров — тогда он был доцентом кафедры высших растений — и доцент кафедры зоологии позвоночных Константин Николаевичи Благосклонов. Два этих ученых и по сей день являются наставниками, старшими товарищами и единомышленниками студентов.

Новая студенческая организация получила название «Дружина по охране природы».

Борьба с браконьерством в лесу, на реке, на

птичьем рынке. Живое, энергичное дело, доля детективности и даже определенный риск — все это, конечно, привлекло молодежь. Нравилась и оудитность работы, видимый результат. Сотни весенних и осенних «вылетов» (так в дружинке называют патрулирование в определенном охотозайстве). Весенняя кампания «Тага» и предновогодняя елочная кампания (демонстрю на московских автостанках и в электричках). Все было в это время. Просто стычки и серьезные сватки с браконьерами. Стояние под дулом, наведенным на тебя, и погони за нарушителями. Несколько яловных дружинных ранений за эти годы, одного сбросил с поезда (и счастью, обошлось), таранки морской лодки с дружинниками, испектировавшими рыбаков на водохранилище. Сотни протоко-

В РЕАД.

Вадим ОПАЛИН, фото автора

Дружина

чтобы вразумить незнающего или остановить зраввшегося.

Идея создания какой-то активной организации в защиту природы, как говорится, носилась в воздухе. Конечно, в первую очередь это понимали естественники: биологи, географы. Доцент биолого-почвенного факультета Московского университета Вадим Николаевичи Тихомиров попробовал организовать некоторых студентов-биологов и вести с ними работу по охране природы. Делались доклады, студенты-охотники иногда выезжали на патрулирование. Однако все это было эпизодическим.

«Но вот кому-то из нас, — рассказывает Тихомиров, — пришла в голову мысль назвать новое, назревающее общество «Дружиной». И все тогда становилось на свои места. Во всяком случае, это предполагало и наличие дисциплины, и четкие задачи, и определенные права».

Дружина. Действительно, ту есть что-то и от былинной силы русских дружин и добрая слава нынешних дружин по охране общественного порядка. А охрана природы, не является ли она охраной того же общественного порядка?

В октябре 1960 года комсомольцы биолого-поч-

СЛУШАЮТ ГОЛОСА ПТИЦ.

лов, изысканье ружей и сетей, огромная разностельная, воспитательная работа — таков итог этой мужественной деятельности.

Но с первых же лет существования дружина понимала, что есть и другие проблемы, посерьезней и потрудней, и что существуют нарушители природного баланса более завуалированные, и бороться с ними надо не «в лоб».

Первая и значимая уже в государственности масштабах работа — конференция, посвященная проблемам Каспия. На нее были приглашены представители научной общности Москвы.

А в следующие годы — конференции по Кедрострою и проблеме рационального использования кедровых лесов. Трудная, затяжная, в союзе с другими людьми, организациями, прессой борьба за Байкал.

В последние пять лет — семь лет остро встала еще

НА ВЫСТРЕЛ.

ЗАСЕДАНИЕ ДРУЖИНЫ ИЗЪЯТЫЕ У НЕДРУГОВ ЛЕСОВ И РЕК ТОПОРЫ, СЕТИ, ТРЕГУЗЫ — ЛИШЬ ЧАСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДРУЖИНИКОВ.

лагерей и др.) и заинтересованные организации, например, Управление лесопаркового хозяйства Москвы, всегда используют такие сведения в работе.

Сейчас в дружине есть своя внутренняя проблема — смена поколений, как в спорте. Это заложено в самой специфике работы со студентами: кто-то уходит из вуза, кого-то надо учить с азав. Да к тому же еще деятельность дружины не может быть раз и навсегда поставлена на каменное блестящее и нерушащееся роллы. Нужно постоянно думать, искать новые формы, методики работы. Нужно постоянно идти чутью вперед жизни и ее отношения к охране природы.

А жизнь не стоит на месте. 1974 год — далеко не то же, что 1960-й. Сейчас заметно меняется отношение к проблеме охраны природы. И недавно дружина совершила очень важный, качественный скачок. По ее инициативе и в основном из ее «старичков» в МГУ был создан совет по охране природы. Задача совета — вести природоохранительную работу не только на студенческих факультетах, а и среди экологов, экономистов, юристов — всех, кто по своей профессии

ПРОВЕРКА.

одна проблема взаимоотношений человека и природы — резко возросший поток отдыхающих, туристов. Ученые сейчас приравнивают фактор влияния людей на природу и влияние промышленности. Сейчас этой так называемой рекреационной проблемой стали заниматься многие организации, например, Институт географии АН СССР. Но без широкого привлечения молодых студенческих сил этой неохватной проблемой физически трудно овладеть.

Естественно, не осталась в стороне и дружина. Ее, кстати, с самого рождения отличало хорошее понимание духа времени и профессиональное чутье на «горячие, большие точки» отношений между человеком и природой. В дружине была создана постоянно работающая экспедиция по изучению проблем туризма. Летом она уже вела самые серьезные научные исследования в Подмосковье, в Мещере, на Байкале.

На основе разработанных студентами рекомендаций (вместе с данными других организаций) можно создавать в таких обжитых районах, как Подмосковье, разумно запланированную ландшафтно-парковую архитектуру (определенные породы деревьев, отведенные места для палаточных

так или иначе столкнется с проблемой века — охраной природы.

Еще недавно университетская дружина была единственной в Союзе, а теперь их примерно тридцать (в Иркутске, Харькове и других городах). Они, как и московская, насыщают по несколько десятков человек; это знание и действующие люди. Ветераны московской дружины понимают, что назрел следующий этап: пора кончать с периодом разобщенной кружковщины. Нужно объединять усилия, регулярно обмениваться информацией, выработать общую методику работы и т. п.

Первый шаг был сделан в сентябре 1972 года, когда в МГУ по инициативе московской дружины был создан первый Всесоюзный семинар студенческих природоохранительных организаций. И это было здорово! Говорили о формах и организации дружин, о борьбе с браконьерством, о пропаганде работы.

Вот это и есть, наверное, один из главных результатов деятельности «Дружины по охране природы» биофака МГУ, то, что она является как бы матерью подобных организаций в стране, помогая им консультациями, советами, выездными сборами членов в различные города. И пусть нельзя пока назвать это движение в студенчестве массовым, польза его несомненна.

НАГУТСТВИЕ В ДА

Рабочая трибуна «Смены»

На страницах «Смены» из года в год публикуются очерки и репортажи о лучших рабочих педагогах-наставниках. Всего месяц назад («Смена» № 4) редакция объявила конкурс «Наставничество». Под этой рубрикой мы намерены помещать материалы читателей о людях, которые помогли им овладеть профессией, найти свое место в жизни. Закономерно, что люди, прославившиеся своими трудовыми подвигами, не менее известны и как наставники молодежи. Закономерно, потому что для истинного человека трудя пересторжма связь времем и поколений, он постоянно чувствует свою ответственность за то, в чьи руки передаст со временем свое дело, будущее всей страны.

Наставники — первые помощники комсомола в воспитании рабочей смены. В постановлении IX пленума ЦК ВЛКСМ записано: «Считать важнейшим поручением партии, первоочередной задачей комитетов комсомола, первичных комсомольских организаций всемерное совершенствование работы по воспитанию достойной смены рабочего класса и колхозного крестьянства». Во время работы IX пленума ЦК ВЛКСМ группе ветеранов труда были вручены высокие комсомольские награды. Среди первых награжденных Знаком ЦК ВЛКСМ «Наставник молодежи» были и герои наших очерков и наши авторы С. С. Витченко, бригадир ленинградского объединения «Электросила», Т. В. Федорова, заместитель начальника Метростроя, А. В. Викторова, бригадир слесарей ГПЗ-1, В. С. Филипов, мастер ПТУ-40 г. Москвы, М. С. Иванникова, ткачиха Московской фабрики имени Фрунзе...

С бригадиром слесарей-сборщиков
1-го Государственного подшипникового завода,
Героem Социалистического Труда,
членом ЦК КПСС

Алексеем Васильевичем ВИКТОРОВЫМ
будедует журналист Эдуард ДОЛОТ

— Для начала, Алексей Васильевич, хочу как попросить рассказать о том, как начинали свой трудовой путь вы сами. Это было, если не ошибаюсь, почти сорок лет назад. С тех пор производство во многом изменилось, усложнилось, и можно предположить, что сегодня новичку придется труднее. Так ли?

— И так и не так. Конечно, техника шагнула далеко вперед, освоиться и овладеть современной оборудованной очень нелегко. Однако же привык я к тому — и новичком ведь стал совершенно другой. Пополнение приходит на заводы образованное, эрудированное, по большей части с законченной десятилеткой. Запас информации огромный — отсюда уверенность в себе, в своих силах и способностях. Мы в наши молодые годы были, мне кажется, посерьезнее в своих ментах и запросах. Не стоить воспринимать, как нынешнее поколение, но зато, пожалуй, более дисциплинированы, обязательны. Я, например, вырос в семье, где понятие об обязанности, о долге прививалось детям гораздо раньше, чем понятие о правах. Было нас у отца с матерью шестеро, отец работал на АМО [теперь Автозавод имени Дзиза-

чева], один нормилец на восемь ртов, и шашто сама собой подразумевалась, что после седьмого класса дорога ведет тебя в ФЗУ, а после ФЗУ — на производство.

— Многие и сейчас идут этой дорогой...

— Ничего дорогам счета нет, и все хорошо какагами...

— Следовательно, по вашему мнению, современный молодой рабочий о трудностях знает только понаслышке! Преодолевать ему ничего?

— Вы меня неправильно поняли. Трудности, нерешенные проблемы были, есть и всегда будут. Некоторые из них отмирают, но возникают новые... Вообще путь человека усеян розами разве только в день свадьбы — во все остальные дни надо бороться, надо что-то преодолевать. Если же нам разговор о специфических трудностях новичка на производстве, то главная из них — войти в коллектив. Привыкнуть и людям, подружиться с ними, завоевать уважение — все это очень непросто, очень нелегко. Это нелегко даже для взрослого, омы-

ного работника, когда он переходит на другое предприятие. Могут вам признаться, я лично был новичком лишь дважды и на третий раз вын за что, вы за какие блага не согласился бы.

— Дважды за всю жизнь! Работали только на двух заводах!

— Три года на одном и вот уже тридцать семь лет на другом.

— Скажите, Алексей Васильевич, чем же объяснить, что у определенной части молодых рабочих нет этого стремления... как бы назвать... к трудовой оседлости, что ли? Согласно статистическим данным, текучесть кадров среди молодежи нередко выше, чем в среднем по предприятию...

— Я уже говорил, главная трудность — войти в коллектив. Но если человек ее преодолел, если завод стал для него родным домом, он этот дом не покинет. Разве только из-за каких-нибудь особых причин... Однако можно ведь в коллектив и не входить, так даже легче. Выпиться на работу, отбывать, словно такую повинность, пополненные часы, а там — скорее на

волю за проходу. Завод, товарищи по цеху, ни работы — все, как говорится, с глаз долой и из сердца вон. В таком обилии оказывается и опоздать не стыдно, и прогульнуть не стыдно, и укоры безразличны: в одно ужо влетит, а другое вылетит. А прискуны укоры — можно и ухватись, никто и ничто не удерживает.

— В сущности, это трагедия...

— Конечно, трагедия! Особенно если в подобной ситуации окажется подросток. Ни перспектив, ни цели в жизни, ни настоящих друзей (дворовая компания не в счет)... Взрослый человек на новом месте работы, сразу же, не сразу, но осваивается, приращивает. Все-таки есть уже жизненный опыт, квалификация, привычка к труду. Подростку все эти качества только предстоит приобрести, а на первых порах никак не обойтись без помощи старших. Иначе некому, я полагаю, надею, чтоб у командного новичка на производстве с первых же дней обязательно был наставник, старший друг, советчик и покровитель. Не случайно наставничество становится одним из самых распространенных видов отношений. В нем есть потребность, оно необходимо.

— Как же вы считаете, наставник должен быть по преимуществу учитель или воспитатель? Иначе говоря, он учит ремеслу или учить любит?

— Чаще всего одно из другого неотделимо. Можно ли жить, не зная никакого ремесла? С другой стороны, достоин ли уважения специалист, пусть даже высококвалифицированный, если он нравственно погряз, если он рыбак, браконьер, злой товарищ!

— Тем не менее функция и задачи наставника, вероятно, не всегда одинаковы. К примеру, новичок, окончивший профтехучилище, уже многое умет, и, думается, поддержка ему нужна в основном моральная. Ну, а того, кто поступает на завод в училище, приходится опекать во всем, учить буквально с азбуки, не так ли?

— В принципе различия есть, конечно. Истинно, в этой связи стоило бы затронуть одну немаловажную проблему. Давайте примем, что есть мастерство. По-видимому, это сплав теоретических знаний и практических навыков. Но как важна именно та дилемма, что касается умения и навыков — они имеют пропорции. Вспомните, например, народную сказку о парне, который учился кузнечному ремеслу у великого мастера, но так далеко не ушел, что пассивного наблюдателя. Когда он попробовал ковать сам, то получилось у него только виски...

— Сказка родилась давно. Однако, может быть, в век научно-технической революции знания, хотя бы и полученные «вприглядку», значат больше, чем умелые руки!

— Не скажете, руки пока есть в цене и, смело надеяться, всегда будут в цене... Так вот, вернемся к новичку. Ему на первых порах, конечно же, не хватает глазомера, уверенности, навыков — словом, того, что дается только опытом, временем. Между тем человек он начитанный, возможно, даже технически образованный: разбирается в чертежах, знает принципы действия и устройство различных механизмов и машин... И принципам работы — поручают для начала самую простую операцию. Сложную же, интересную и высокооплачиваемую — отдадут поплечному ветерану, который — может, и не получающему своего образования, но зато, как говорится, горбом пробился к вершинам мастерства.

— Выходит, что образование преимущественно не дает? Если можно «горбом пробиться»...

— Ну, как это не дает, напротив, огромное дает преимущество! То, что ветеран постиг за четверть века, современный образованный парень одолеет за какие-нибудь три-четыре года. И шагнет дальше, выше, танок уи закон: дети непременно обгонят отца, иначе не было бы прогресса. Но мы с вами говорим о том начале жизни, когда подросток, молодой человек еще находится в опеке, когда ему а пока не нельзя доверить сложную работу. А у него же свет сломашно... Он, предположительно, обо всем на свете знает и потомуमित о себе чрезвычайно высоко. Иแน่นอน, избитый алчностью при явной невзвешанности...

— Но в таком случае само присутствие наставника — это постоянное напоминание ты плещешь ты беспомощно, тебе нет веры. Непростые удары по самолюбию.

— Не надо преувеличивать — ведь речь идет о подростке. При всей своей напускной гордыне они поначалу-то все-таки робуют на производстве и очень нуждаются в сильном, опытном покровителе. Но, конечно, наставник должен быть чутким, не провалить выдержки, не унизить достоинства своих подопечных.

— У вас, когда вы пришли на завод, был такой добрый покровитель?

— Был, никогда его не забуду. Андрей Петрович Васлов, первый мой бригадир. Большой души человек и редкой способности самоотверженности. Он не просто учил нас ремеслу, он из нас граждан воспитывал, сознательных борцов.

— Алексей Васильевич, заменимо, что молодежь не очень-то любит всестороннего наставника... — от слова «наставник»...

— Добавьте еще, что обычно при словах «способнее» и «наставление» употребляют и слова «приветственный» — каково, студенту и т. п. Право же, танко публичности наставлений не только молодежи — ни никто не любит. Но ведь наставлять можно и личным примером. Ими, скажем, в открытой беседе, в добром и честном споре...

— Один вопрос, касающийся, так сказать, технологии наставничества. Подросток находится на производстве шесть часов в день. Остальная часть суток, а кроме того, выходные и праздники — за пределами досягаемости наставника. Не этим ли объясняют неудачи, которые бывают не все-таки, наверняка, у каждого воспитателя. Разве не было и у вас, кто кто-нибудь из ваших учеников оказывались несправильно лентитом, нарушителем дисциплины!

— Разумеется, неудачи бываюот. Наставник — не черодей всемогущий. К тому же (и я в этом правы) наставник не бонна и не гварционер: он не может уследить за каждым шагом подростка. На ребят влияет, причем немало, отнюдь не благотворно, и семья, и улица, знакомые, дворовые приятели. Но мы знаем: основа человеческого характера формируется в труде, в общественно полезной деятельности, то есть на производстве. И мы знаем, что у этой главы, а вы сказав, сфера действует наставник.

— Но все-таки не следует ли наставнику хоть как-то контролировать внезаводскую жизнь подростка!

— Если появились тревожные признаки... Конечно, нельзя сидеть сложа руки. Тут и на дом надо заходить, контролировать поведение, возрастать под наблюдением, с кем дружит, как проводит свободное время. Но все это с соблюдением чувства меры. Наставник не должен быть назойливым, подзорным инструментом — иначе он ронсит свой авторитет, терять право на уважение.

— Сейчас много говорят и пишут о проблеме так называемых «трудных» подростков. Но ведь немало и интеллигентных, причем, надо сказать, их большинство. Присмотритесь на завод ребята из «благополучных» семей, «благополучных» школ. Они неплохо воспитаны — следовательно, обладают трудолюбием и настойчивостью, они активны, любознательны, оптимистичны. Словом, нормальные ребята... Обязательно ли прикрывать к каждому из них специальное наставление! Ведь, возможно, они и сами, собственными усилиями сумеют преодолеть тот тягостный, как вы говорили, этап, когда знания уже есть, а навыков их мало.

— Видите ли, дело не только в том, что знания есть, а навыков мало. Производством требует совершенно много микроиспытаний, немелкая школа или даже профтехучилище. Тут должен произойти некий перелом... В школе учителю говорит: «з/сбача — твои ребята. Они Produkte, но прежде всего общественно общеработают. И трудятся, если выполнять ее добросовестно. Но это работа, так сказать, на себя, общество опущит ее результаты лишь когда-нибудь потом, в будущем. Вот мной раз бежит ребята в труду — их ругают. Но как ругают? Себя, мои, благодарите, неведомо как останете, если будете прогнывать. Ну, а на заводе спрос уже по другому счету. Прогнывать здесь не только себя, но как ругают? Оно как ругают! Раз он включен в число производителей, значит, на его продукцию рассчитываются, его где-то ждут. Производство — это цепочка. Вышел кто-то из строя — разрыв — в цепь. Не вышло, специально полагаются по норме — опять-таки разрыв в цепь. Вот это сознание долга, высокой ответственности перед товарищами по труду, перед народом и государством — приходит к подростку само по себе и сразу. И принять его, это сознание... задача наставника.

— В школе функцию наставника выполняет учитель. Дома — родители. В профтехучилище — старший мастер. А на заводе — опять-таки наставник. Не много ли! Говорят, у семи нянек...

— Много, много... Не в том суть. Кто они, наставники подростка, — вот в чем вопрос. Кто несет они в себе, какие качества души передадут от них к младшему поколению! Зачастую инстинктивно, поученные в юности, остаются на всю жизнь — тем valuable, чтоб это были верные натуралисты, чтоб они указывали действительно верную дорогу. Вспомним сейчас свое школьное училище Наталью Николаевну Сосунякину — как умела она отработать нам подлинную рабочую жизнь! Как умела и каждому нашей подходу, каждого убедить... Вот хотя бы такой штрих: я не курю. А вырос на Андреевну, это один из самых тех ни я есть рабочий районской старой Москвы. У нас ребята очень рано начинают курить. И я было убеждал, да тут же бросил. Наталья Николаевна удела. Убеждала и спросила, а ее просьба для меня законом была. Так все ишло и не курю. Несложно, конечно, достигнимо, но просто к слову пришлось: я хотел привести пример, как долговечные подчас бываюот некоторые полученные в детстве ими качества наставника.

— По поводу говоря, мне кажется, в данном случае причина не столько в том, что вам повело на училищницу, сколько в том, что ей повело на ученика.

— Не знаю, не мне судить... Конечно, ученик ученику рознь, как и учитель учителю. Но так или иначе у любого из нас найдется в памяти какой-то человек, которого хотелось бы подражать, который был достоин особенно высокой степени уважения. И потом, сколько бы ни прошло лет, это уважение всегда остается своего рода жирячином в фундаменте характера.

Рисунок Александра МЕНЧИКОВА

пролагается. Раз несоблаженный, то зарплата тебе за такую должность не полагается. Да только от обязанности никто человека не освобождает. Как чуть что, мы к нему, к Точке. Голова у этого парня, скажу тебе, Сережа, хорошо устроена и крепенько держится на плечах. Песостра, вядьт, Федор Федорич Знобич да и другие из райову, когда приезают к нам, присматривают ся к Точке. Прикадывают что-то там у уме, но иначе заберут к себе. А жалко будет — хорошая бы смена для нашего Левонтия была... Может, как раз об этом и подумывает Знобич — у него глаз наметан на стощих людях... Ну, Точка — это все ж таки мужик, на фронте сераком был. А возьми Настю Большову! Она, правда, теперь не Волнова, а Шпичиха, зарплата-таки девачку Санька Шпич, совсета чут ли не в первый день своего возвращения с войны. Зарплата, да не совсем — в доме удержат не сумел. Настя у нас и трактористка, и секретарь комсомольской ячейки... или как там теперь, ее называють, такую должность... А давно ли и ей солид утварал — поймаю, бывало, на улице, замку двумя пальцами носикко и беру у нее их... зити самые. Да-а, вот, Сережа, какие они, однако. О чем, бинш, эт Умело старое пулемето давеко в сторову... Ах, да, вспоминаю, это мы с тобой о совместителях толкуем. Я, Сережа, не только почталом теперь и правительский сторож, но и добровольный финагент.

Последнее слово выстреляло у Максима Пакленкова как-то уж очень звончательно и, должно быть, излишне громко, потому что председателя дверь скригнула и грозно осведомилась:

— А потинне велькэ?
Приняв это замечание к сведению, Максим увернул голос почти до шепота, но повествования своего не прервал — продолжал неторопливо:
— Легко сказать — финансовый агент. А тут, сынок, особенная спорючка нужна и подход к людям...
— Налог, что ли, собираешь, дед Максим?
— И налог, и подписку на заем.
— Ну, это — дело хлопотливое.

— Не только хлопотливое, Сережа, но и шекотливое. А куда денешься! Уговорил Агафю, Берись, говорит, за это дело, Максим Савельич, и точка, ты, мол, в любви дом вхож... Ты вот, Сережа, на гимнастерку мою поглядывайте, откуда-де она у старика! — Ты ведь это его, Агафюна, подарок. Сам принес прямо на дом ко мне. Одевай, говорит, товарищ фининспектор, боевая эта справа тебе сейчас надобна для большаго дела. В солдатской форме, говорит, тебе будет сводурчнее вести сраженые с бабами да стариками, какие не хотят платить налоги. И присоветовал потонов не смять, с ними человек соидать, представлятели выкладат. Ты, говори, я вих, Савельич, не финагент, а прямо-таки маршал. Действуй! Ну, я и действую, от зарн до зарн хожу по дворам и все воюю, уговариваю, убеждаю, стараю, умоляю — вадить, окрип, как старший барбос, от таких уговариваний. В войну, скажу тебе, Сережа, легче было. Заидешь, к примеру, к Катерине Ступкиной или к там к Штоналхке, на что уж скандальнее баба, а и тем молвишь, бывало: война, баба, Красной Армии надо помочь. Вдохнуть, исплакуть когда — не без этого... но достает утомел из своих ступок, выработат последние девчонки. Куда ж деваться — война! А теперь сорок седьмой год. Теперь из вих так просто не выпараешь те рубашки. Моих правор не хватает, и командирские потоны на ту

каютку Штоналхку не действуют. Она сама себе командир, как открит рот, и такими словами зачнет тебя молвать, что не привел господи! Откал только они у нее и берутся! Шпарит, как из пулемета, и конца этой словесной ее ленте не вядеть. А через плечен ее соседа Катерина открывает вальбу. И стоит Максим Пакленков над передохстым огнем, как, скажя, на босагах позидих. «Война», — кричат, — окончилась, дай ты нам, Максим, немного вдохнуть! Все книжки ты из нас вымотал. А я что? Да все нечто собираю тут вальот да займат! Надо же, втолковыиво ж, надо же, товарищи женщины, возродить, подмазать порушенное, кто ж, окроме нас, поможет Советской власти! Поурот еще, поворчат, обматерят мене иной раз по-мужски — за войну научилась этому ремеслу, — а все-таки плыт...

— Начево, Максим Савельич, пройдет годок-другой, люди станут богаче, и финансовый агентом будет все-таки легче... пытался подбодрит доброволяго инспектора Велугути.
— Э, сынок! Год от году нашему брату, финагенту, да и вообще всем руководителям будет потруднее. На войну и на разрузу не совпелше, а люди захотят немного и да себя возмать. Поняв?
— Поняв, Савельич, тут кто не поймет. Рассказал бы, как сам-то живешь.
— Живу — куда денешься, скля бот смерти не длет.
— Ну, зачем так! Сразу — о смерти! Я не вое, дядя Максим, вот как нагадася!

— Это верно. На войне она, проклятая, ни на шаг от солдата. Но ты, вядку, сынок, все ж таки обманула ее, переклетила, обвела вокруг пальца косяку, а моя Ванька и Петяка...
Максим замолчал, вынг потемнел лицом, словно бы обуглился. Затих и Сергей. Улыбка, которая поселилась на его лице, как только он увидел Пакленкова, и стойко удерживалась на протяжении всего их разговора, теперь сконфуженно убралась, спряталась куда-то.

Сергей хорошо помнил Ваньку и Петьку по годам своего детства, а что было с ребятами потом, не знал. А они выросли парнями толковыми, окончили семилетку, вступили в комсомол, выучились на трактористов, в первый год войны вкачали, сами, убирали хлеб вместе со стариками, женщинами да женщинами бронированными мужиками, а в сорок, третьем уприсали командира стощивей в Завидове воинской части везть их в экипаж «Красного Завидова», танка, купленного на сбережения колхозников.

Приняв все меры предосторожности с тем, чтобы его не услышала жена, Максим и сам подклячился к этой прессые. А в начале сорок нитого в далекой Венгрии, под городом Сегед-рефезерваром, вьехать который без записок, без многогранного спомыкания Максим там и не научился, Петра и Ванька сторез вместе со своим такком и теперь смотрел на отца с увеличенной фотографией, смотрел и, изюгаломе, ренительнее, потнее разговаривал с ним, срыванными эти отчаянными соколками очами: «Ну, как, баги, хороши! Ну, вот, а ты говора!»

Извещею об их гибели задержался в долгом пути и пришло в Завидове уже после победного дня, в середине мая, а Максимова жена Елена, которая каждое утро выходила на дорогу и зорко вглядывалась, не повьется ли на той дороге за собой ее близнецик, узнала о позорнике горько потуже. Обернута старуху, с каких уж пор жадуетсяю на свое сердце, Максим все тиня, вьглядая какого-то особого случая, когда бы такой удар мог быть хоть капаль-

Воспоминание о войне

Мир торжествует в своености
соцветья,
что отворит пророчеством пчела
и расщепит, жулька над нами, ветер,
чтобы и ты со мной залететь смогла.
Два перышка в руке — как это
просто,
и мы уже причастны к небесам.
Мы несомни. Прошлое бесплотно,
и в настоящем чет забыта нам.
Нам только бы простор, скользкий
мимо,
и мнородные, чтобы нас обнять.
Мы — как соцветье. Мы —
необъяснимы,
но в нас с тобой земное не разятья.

Неслышно от боды
ты отступил, как жуук.
Холодный блеск воды
твоих коснется рук.
И осень. И покой.
До вранья — расчет:
под горестную ручку
кислицу осень рвет.
В заветный туесок
грибов наберяй, и
и краски на клубок
тихою намотай.
И снова отступил
от вышедших прирас,
до снова дотвонил
до не приуча сейчас.
Не в ямени своем —
с собой наедине
найди слова потом,
что с тайной нарване.
Что в них, как в роднике,
просвечивало дно.
Чтоб тайна в тайнине
созрела, как вино.

Пречистый добрый снег — на урожай
градущий,
он белой добротой затил
пространство дня,
и вербы окрылил, и стал заботой
сущей,
и прорези очко расширил, их плена.
Нам чистота нужна — для помыслов
и дела,
и эта ширь нужна, чтоб различить
тот миг,
когда, влетенный в снег, летит легко
и смело
блестящий ветер выюг, заслышав
дальний клик.

Те к жизни и любви распритые уста,
что изрекут, что вымолвят такое,
Чтоб, озира прошлые лета,
Не знали мы ни скажут, ни покая.
Чтоб ни гордяни и ни суята,
Ни лень, ни злоба, ни высокомерье
В мнужество не оставил следа.
И чтоб любовь, не зная недоверья,
Чиста в любви, трудом освещена,
Открыта, как овоц на ладони,
Мы, как деревья, вьвьсь вознесенны,
— Весь мир звенит в густо-зеленой
хроне.
Добро и мир — преддесте тишины.
В согласе этот мир увеночена.
Бессмертны, как небо, мы должны
Сказать земле, что мир на свете
вечен.

Он превозмог потерю,
и в сумерках бесплотный,
не видимый никем, взметнулся
снежный прах,
и в снежных миражах, как в духах
перелетных,
он крылья распростер в летящих
зерналах.
Вот потону-то зрима, извечное вощю
и ощущаем снег, как твердь земли,
навет,
Как возрожденный свет, мы
воскреснем ночью:
в ликующих очнах — спелаясь белый
снег.

Ты к вечности, к земле своей
склонил
хоть на мгновенье. Лес — твоя отрада.
Как перед жизнью — перед ним
очинил
и не забудь, что все заполнить надо.
Однушн собой простой пейзаж,
длительнн очини его движенье...
Единая жизнь — ты словом ей
воздвизь
стерия и лес — твою стихотворенье,
что явится легко, как первый вздох,
как слово — средоточие мнородных...
Как верным мост и как зеленый
мост,
доступен мир, что доверяет тайне.

Открыл глаза — и мне открылся
день,
простор зеленый и цопочка птиц.
А перед ним белый потолок —
он всколыхнулся бабочкой огромной.
Мой старший брат, сегодня он тебе
протрувший ветер вьвьсь принес
с твоя,
откуда вьвьсь пришла, с какою поля.
Одувачник золотой
грет дальнюю дорогу.
Из ведра вода прольется —
нет, и нет, и нет тебе!
Соигулась мать среди зеленых
гряд —
трядцатую весну песня не всходит...

Одувачник золотой
грет дальнюю дорогу.
Из ведра вода прольется —
нет, и нет, и нет тебе!
Голубизной золотается око,
степляным ситом прописана свет.
И скрипит половец под стопой,
вдугу вздрогнет под столою
половеца.
Одувачник золотой
грет дальнюю дорогу.
Из ведра вода прольется —
нет, и нет, и нет тебе!
Пережду дорогу дважды,
шаг мой одное стант тверде,
завяну узлы потуге — за тебя
и за себя.
Стать бы мне вдвойне сильнее,
вдвое мужественнее, брат!

Перевел с украинского
Борис АБСАРАГОВ.

Воспоминание о Летнем саде

Ты раннюю помини побуду —
Серебряный звоник свисток,
Когда ты срывался, как будто
Все тело пронизывал ток!
С отлаженностью механизма
Доспел до своего надела.
А в стрельчатость окоя,
как в призмку,
Рассвет лениградский втекел.
Бемала девятая рота
По стертым торцам мастовой.
Вот век, что читал Дидерота
Иногда прочтешь им с тобой!;
И ландшафтная ограды
Калпа суконата, за нет,
Осеннего Летнего сада
Разрежени куты аллея.
Мелодия старых курантов,
И неба молочная сить,
И степи пологоты курсантов
Среди обманенных богинь.

Что б ни было, хуже не будет.
Будь весел, как греческий бог,
Пока тебе смерть не оступит
Трепетующий сердцу омок.
Что боль в этой жизни приятна,
Помысли ты, покинувши свет,
Когда возвратишься обратно
В компанью звезд и планет.
В бескрайних вселенских просторах
Ты будешь скользять, как сигнал,
Бесплотен, как образ, который
Однжды по счастью отырал.

Я был в Ленинграде курсантом.
Стоял в карауле не раз
В соседстве с пожарным гидрантом
И боковой песня по запас.
Безвестного писаря опус
Я знал наизусть и стерег
Миущества длинную опись
И толстый алмбарный замок.
Казарма меня поражала
Огромностью мрачной своей,
Величием тылового зала —
До этого тут был музей.
Когда мы шагали с ученья
И Долгожков наш запева,

Теперь доказано на практике,
Что разбегается галактика,
Чтобы по истеченье вечности
Вновь поострестаться в беспоконечности.
Сначала были мы в сиуещении,
Узнав про красное смещенение,
А нынче снова улыбаемся
И все куда-то разлетаем!
Звучит хоть страшно, но красиво,
...Июнь. Чернякне пернатки.

Юрий СМРНОВ

Испытывал я восхищенье
И в хоре себя забывал.
Глядел я в градущее смело,
И в холод крещенский и в зной
Учился воинскому делу
И жизни не мыслил иной.
...Курсантские годы промчались,
Отменились, словно вино.
Один в лейтенантах остался,
Другие в майорах давно.
В каптерке нам эполетя,
Иная влечет колено.
Теперь-то я знаю, что это
Короткая юность моя.

...Дети шли и жалась друг к дружке,
А в глазах — надежда и страх.
И грехели их погрехушки
В тонюльки, как смечки, рунах.
Через час было все готово.
Деловитые мастера
Перекурят — за дело снова.
Льшь ботинком росла гора.
Того давнишья человек.
Что там мочить? Давай бегом!
И диммилсь страшные беги!
Оседала окоп кругом.

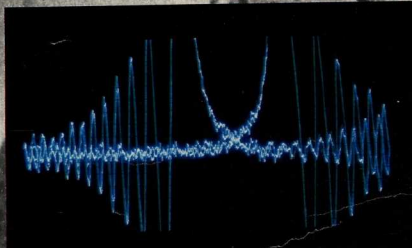
Листья съезжались, почернели
И гремят, точно бубенцы.
Но вернутся опять капели,
Зелень, ваяния и сведецы.
Во дворе зарпыгают.
Завянет голоса с утра.
Только где-то живут на свете
Испоконители-мастера.
От возмездья забивши в щели,
Ну, а нынче — в воду концы...
Листья съезжались, почернели
И гремят, точно бубенцы.

Скрябалося под сенью садовой,
Как житель подводных глубин
Расползшийся мнородный гудин
Прозрачного тельного гудин.
Струющийся солнечной пыли
Стольбы световые листы
И сумрак тельных пробив,
Пятистко ложась на траву.
Грохочет сенья мнородный.
День кипнул, лучам прогрет,
Как облако, что светосонно
Проплыло, раставло. Нет.

„ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ВОЙД“

Александр АЛЕКСЕЕВ,
Виктор САКН (фото)

Город открылся внезапно. На высокой макушке холма, опоясанного крепостной стеной лесом,— плечом и плечу белокамеяные сторожевые башни — корпуса институтов. Почти вертикальная лестница шоссе несет будто в небо, а внизу сабельным серебром звенит Ока, подрезая острой крошкой прибрежно Приокско-террасное заповедника. Пушчино-на-Оке, Им. «Франкфурт-на-Оке» — говорят местные остропо-

ХОД ЭКСПЕРИМЕНТА НА ОКРАНЕ ОСЦИЛЛОГРАФА.

ам, отдавая заслуженную дань уважения замечательному ученому — Владимиру Глебу Михайловичу Франку. Ведь в какой-то мере город — его детище. Не ничто точку на карте мира. Город еще очень молод и несвободен, но здесь утверждают, что стоит он на самом высоком месте — в Московской области, и вполне понятно

стремление спутников Е. Величества Биологии занять соответствующее место в мировом масштабе.

«Десять лет назад в Пушчино-на-Оке мы начали концентрировать силы ученых на решении новейших проблем биологии, — говорит заместитель директора Центра биологических исследований АН СССР А. И. Черкашин. — Прежде всего нужно было сфокусировать научные сотрудники различных областей знания в пределах одной организации для работы над общей научной проблемой. Поэтому Центр объединяет всевозможных специалистов, и здесь лишь около третьей части всех исследователей — биологи. Наряду с именитыми учеными у нас очень много молодежи, так что по своему демографическому составу Центр можно назвать молодежником.

Смысл объединения еще и в том, чтобы иметь такой комплекс лабораторий и институтов, который мог бы охватить всю проблему, все направления в целом.

Кроме того, это было вызвано своеобразной революцией в биологии, которая произошла два десятилетия назад, с вторжением в эту науку ряда технических методов исследования. Огромное значение имело внедрение рентгено-структурного анализа. Ведь именно с его помощью ученым удалось расшифровать структуру и функцию дезоксирибонуклеиновой кислоты, той кислоты, где в виде чередования определенных оснований закодированы основные свойства и качества главных видов живых организмов. Затем электронная микроскопия значительно расширила наше представление о мембранах: надмолекулярных соединениях, функциях которых чрезвычайно важна для существования и развития жидкой материи, так как это — главное звено, связывающее ее с окружающей средой. Математические методы разре-

ЛАЗЕР ПРОНИКАЕТ В КЛЕТКУ...

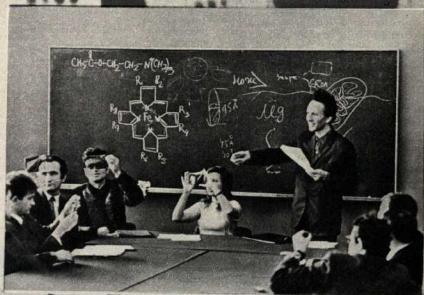
шили задачу моделирования сложных биологических процессов, что позволило исследователям по-новому оценить и расшифровать многие загадки живого организма.

Словом, наш Центр — своего рода плод этой революции. Назрела необходимость концентрации сил и средств для решения важнейших актуальных проблем молекулярной биологии с помощью самых современных методов, приборов и инструментов...»

Если бы художнику вздумалось изобразить герб города Пушчина, он попал бы в весьма затруднительное положение. Действительно, как объединить символы всех наук, которые собраны в Центре биологических исследований? Математика, химия, физика, биология, медицина, почвоведение и многие другие области познания сплелись в единый монолит. Пять крупных научно-исследовательских институтов как сжатый кулак для удара по теоретическим наукам. И этот удар наносится ежедневно. Без барабанной дроби и крика фанфар. Бой в тишине лабораторий и молчаливом перемалывании несонок на панели ЭВМ, в шорохе вынесенных страниц и синих печаточках формул. Он даже — в безлюдных дневных улицах. Все на работе.

Только мамы возят в колясках будущих Павловых и Лобчевских. Все академики когда-то сидели за партами. Отсюда начинается путь в большую науку. Не потому ли именитые в Пушчине построена экспериментальная школа Академии педагогического наук СССР, где дети с шести лет надевают ученические ращетки. И как знать, может, лежат там где-то под букварем докторской дипломы. Не до него пока дельце. А сегодня это обыкновенная школа, только здание необычное, да электронно-счетная машина и волнолюбливый спортивный

СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ.

ЗДЕСЬ ИЗУЧАЮТ ПРОЦЕССЫ ФОТОСИНТЕЗА

комплекс отличает ее от других. И у нас здесь не выдержинды, а обыкновенные дети рабочих, инженеров, научных сотрудников. Здесь нет предвзятого отбора учеников и нет атмосферы какого-либо специальных дисциплин. Воспитать гармоничную личность — главная цель педагогов. Для детей здесь все: занятия спортом в спортзале, кабинеты для технического творчества и великолепная библиотека. Наверное, именно таким будут школы нашего завтра, которые сумеют подготовить достойных этому завтра рабочих, инженеров и научных слугу.

Забота о подрастающем поколении не обрывается за школьным порогом. Очень скоро в Пушкине откроется филиал биологического факультета МГУ, а сейчас, начиная с 3-го курса, московские студенты несколько раз в неделю приезжают сюда на учебу, здесь же проходят практику, защищают дипломы. И не абстрактный — кое-что обо всем, а тесно связанный с разработкой той или иной конкретной проблемы научного Центра. Да и весь процесс обучения в Пушкине построен так, что самые новейшие данные, даже статьи из специальных изданий, обсуждаются в студенческой аудитории. Спринтерские темпы прогресса неутомимо требуют готовить научную команду высшей квалификации, что называется, «со звонком каества». Для этого необходимо «вплотить» не только знания, но и знания, и «чистые» биологи забираются в микросплетения интегралов и дабы физической экипировки, туда же стреме науку скрыто до поры самой драгоценное для исследователя — время.

За время учебы и подготовки диплома будущий специалист вынужден во все тонкости своей профессии, а затем может выбрать то направление, в котором ему нужно совершенствоваться знания. Тогда для многих из них Пушкино станет родным городом. Взаимосвязанный комплекс науки — обучение не ограничивается стенами здания. На следующей ступени можно сделать выбор: аспирантура или институт стажеров. В обоих случаях это два года напряженной учебы. Только в отличие от аспирантов стажеры не считают главной целью защиту дис-

сертации, у них несколько иные задачи: стать высококвалифицированными специалистами в конкретной области исследований.

По словам одного из самых молодых ученых Центра, 28-летнего кандидата биологических наук Бориса Иванова: «Есть в Биологии понятие «миротворения генов», генетический фонды. Обновление, приток как бы свежей крови, вызывает повышенную активность и жизнеспособность организма. В каком-то мере можно отнести это и нашему научному Центру. Приток в лабораторию свежих сил в сочетании с инициативой и трудолюбием — залог будущего успеха». Больше подспорье для творческого роста научных кадров — Совет молодых ученых и специалистов, возглавляемый кандидатом наук Геннадием Мирновым. Вот несколько строк из его выступления: «Основная задача совета — содействие руководителю, партийным, профсоюзным и комсомольским организациям в коммунистическом воспитании молодежи, в повышении уровня ее научных знаний, активности в общественной деятельности, в подготовке научной смены...»

За сужим параграфом кроется огромная кропотливая работа, которую ведут комсомольцы Центра. Совет стремится охватить не только научных сотрудников, инженеров, стажеров-исследователей, но и лаборантов с высшим образованием, студентов старших курсов. Для них проводятся семинары, встречи и дискуссии по общественным наукам, организованы курсы повышения квалификации лекнику теории, философские вопросы естествознания. Все это необходимо молодежи для овладения диалектическим методом познания, понимания важнейших тенденций развития современной науки.

С той же целью совет стремится установить как можно больше связей с коллегами из других городов и республик. Организует научно-технические конференции, симпозиумы, курсы молодых ученых и специалистов по актуальным проблемам. Молодые ученые с гордостью показали мне увесистый том рефератов, с которыми они выступали в Киеве, где

получили высокую оценку своего труда.

Неутомимый энтузиазм молодежи находят применение в всевозможных общественных объединениях. Здесь социологические и информативные отряды, поисковые группы по работам на стыках наук. Ученые Центра с удовольствием поддерживают любое хорошее начинание. Перед молодыми исследователями распахнуты двери всех институтов: теории, выдумывав, пробуй!

В Пушкино молодежи предоставляется много прав. Совет участвует практически во всех делах Центра: от распределения жилья и организации отдыха. Но и спрашивает у них со всей ответственностью: совет регулярно отчитывается перед комитетом ВЛКСМ или общим комсомольским собранием. Комсомол — большая, действенная сила нашего Центра. Да это и вполне понятно. Ведь почти половина жителей города комсомольского возраста. Кому же, как не им, заботиться и в работе и в отдыхе. С работой, правда, все в порядке, но вот после шести вечера приходится решать отнюдь не научные проблемы.

Мне довелось присутствовать на заседании бюро ВЛКСМ института биологии. Разговор шел и о подготовке комсомольских рефератов по общественным наукам и об очередном субботнике, но особенно жаркие дебаты вызвала стадион, вернее, его отсутствие. Как ни парадоксально, но в городе с 13-тысячным населением (большая половина — молодежь!) нет стадиона, нет спортплощадки, нет футбольного поля, нет парковой зоны.

Не хлебом единым сит человек и не одной наукой. Человеку, особенно молодому, к тому же занятому умственным трудом, необходима физическая разрядка. Необходимо для смены ритма, ведь просто для выдоха излишней энергии молодого здорового организма. И кому, как не в биологам, знать это лучше другим!

В беседах с молодыми учеными и инженерами я и не раз слышал, что они очень любят поездки в Москву. Это не удивительно. Удивительно то,

зачем едут. Едут, чтобы просто побродить по многолюдным, широким улицам, чтобы увидеть тысячи незнакомых лиц. Эта урбанистическая привлекательность вполне оправдана. Ведь в Пушкино работают в основном выпускники крупных университетских центров. В маленьком городе у них возникает своего рода сенсорный голод. Можно было бы в какой-то мере утолить его с помощью различных занятий, но дома ученых (переоборудованный банно-прачечный комбинат), во-первых, не может принять всех желающих, а во-вторых, именно из-за малой «мощности» нельзя пригласить концертную бригаду или театральный коллектив: массовый сбор не в силах покрыть расходы. И все же комсомольцами старается использовать любую возможность как можно лучше организовать отдых молодежи. Встречи с поэтами, журналистами, учеными, выступления в филармонии — все это заслуга комитета ВЛКСМ.

Трава и отдых наиболее тесно сопрягаются у нас в таком важном деле, как охрана природы. Ведь «биос» [от греческого «bios»] означает «жизнь», которая включает в себя как частную все сферы деятельности человека. Комсомольцы и молодежь Пушкина не только активно пропагандируют бережное отношение к природным богатствам, но и сами участвуют за посадками, следят за чистотой леса и береговой зоны.

В своих исследованиях многие молодые ученые трудятся на улучшение плодородия почвы, повышении плодородия сельскохозяйственных культур и многим другим практическим задачам. Все проблемы Центра так или иначе нацелены на повышение типа жизни природы, на комплексное использование всех земных богатств для блага человека.

Молодежь Пушкина-на-Оке предстоит внести свой вклад в эту огромную работу, именно поэтому так необходима тесная связь «большой науки» со школьниками и студентами, стажерами и аспирантами, всеми теми, из кого впоследствии в Пушкино зачаточная научная смена.

ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР ИНСТИТУТА БИОФИЗИКИ

Игорь ВЕРШИНИН, заведующий информационно-методическим центром Днепровского обкома ЛКСМ Украины

Той назад в 1973 году «Ритм» («Смена» № 7, статья 6) мы рассказали о почине комсомольцев Днепровского агрегатного завода: «Вчера — рубуж новатора, сегодня — комсомольская норма». VIII пленум ЦК ВЛКСМ призвал все комсомольские организации страны повсеместно использовать членский опыт молодых днепровцев. Сюда по почте, поступающей в редакцию «Смены», лопоч Днепровских комсомольцев пришла информация о распространении во многих аграрных на рабочих заводах.

Почти комсомольцев агрегатного завода побуждали молодые рабочие механического Днепровского комбайнового завода.

На заводе в был в начале пятидесятых в это время в механических цехах пришло много молодежи. Один из них только закончил среднюю школу, другие пришли после профессионально-технического училища, имея профессию рабочего слесаря. Но те и другие одинаково робели и перед заводом и перед своими сверстниками, уже работавшими здесь.

Встречал новичков комсорг цеха, токарь Сергей Бигун. Выглядел он так же молодо, как и новички, хотя за плечами Сергея уже была служба в армии и трехлетняя рабочий стаж. Познакомил комсорг своих молодых коллег с заводом, рассказал о его традициях, о лучших людях, по цеху ходил.

Через несколько дней и состоялось то комсомольское собрание, с которого и началась моя дружба с комсомольцами агрегатного завода. Речь шла о новичках. Их представили, попросили рассказать о себе. И каждому молодому рабочему был назначен комсомольский шеф. А когда комсомольцы начали выполнять свои личные обязательства, услышав жаркий спор. Кто-то вспомнил о почине ребят с агрегатного. Там, оказавшись для новичков моделью рабочего разработчики личные, неучно обоснованные производственные задания на всю пятилетку. Определены так далекой перспективой многих, казалось чересчур.

— Сомневаться легко! — крикнул Виктор Буштурк. — Труднее понять и перенять опыт других. Предлагаю своим делегацию на агрегатный.

Выделили трех человек. Но знакомится с делами соседней школы все комсомольцы группы. Они слушали, смотрели, расспрашивали рабочих мастеров и убедились: дело стоящее. Первый план выполнения производственных заданий составил весь группу. Начали с комсорга. Сергей обещал выполнять ежедневные задания на 130 процентов, добиться права работать с личным клеем, подать за год на уровне комсомольцев. Свои предложения, изучить передовой опыт новатора Валерия Биленко и освоить новое приспособление к токарной станку гидроупор. И еще — обязательство. Сергей обещал: помочь новичку Зиновью Глазковому стать настоящим рабочим.

За группоморгом личные планы выполнения производственных заданий составили Виктор Буштурк, Дмит-

рий Коваленко, Павел Савчук, Александр Кравчук. За ними в движение «Вчера — рубуж новатора, сегодня — комсомольская норма» включились все члены комсомольской группы.

Через год молодые рабочие на своем собрании отчитывались друг перед другом. По традиции начал комсорг. Сергей Бигун выложил свои социалистические обязательства. За первый год девятой пятилетки он повысил производительность труда на одиннадцать процентов, изучил опыт токаря-новатора Валерия Биленко и внедрил на токарном станке гидроупор, получил право работать с личным клеем, завоевал звание «Лучный металлист», подав два распределения (одно из них улучшает технологию обработки сложной детали «Звездочки»), отработал во внеурочное время восемь часов на изготовлении деталей для нового комбайна и свой заработок передал в «Комсомольский фонд экономики». Принимал участие в десяти рейдах «ЗНП» — проверки работ, трудовой нормы. Молодому рабочему Зиновью Глазковому помог освоить профессию и подготовиться к ступлению в комсомол.

Первый год пятилетки досрочно завершили все комсомольцы группы. Но впереди были новые рубежи. На заводе рождался инициатива: девятую пятилетку за три года. С ней выступили заслуженный машинист предприятия УССР, завод Владимир Федорович Лихотар, токарь Виктор Михайлович Шапошников, Герой Социалистического Труда, зубофрезерщик Алексей Андреевич Куляков. Основание — починя было серьезное: комбайностроители из года в год успешно выполняли государственные планы. Производительность труда в восьмой пятилетке на заводе повысилась на 48,7 процента.

Комсомольцы механического цеха задумали, а что, если нам тоже попробовать? Сели за стол, обдумывали возможности каждого члена группы. Учитывали резервы. И картина прояснилась: можно брать новое, топованное оборудование, для этого надо в совершенстве овладеть тонкостями дела, опытом передовиков.

Нынешние передовики производств и членские. Изначно поэтому Виктор Буштурк, Дмитрий Коваленко, Анна Брашко поступили учиться в машиностроительный техникум, Зиновий Глазков — в техникум слесарей. На различных курсах повышения квалификации, в школах коммунистического труда стали учиться все члены комсомольской группы.

На помощь комсомольцам пришли коммунисты цеха. — В. Биленко, В. Шапошников, А. Куляков. Они помогли своей будущей смене составить личные планы роста и пятилетку, намелили рабочие, которые необходимо взять сегодня. Это они дали рекомендации в партию группоморгом Сергею Бигуну. Инициативу комсомольского бюро Виктору Буштурку.

Как известно, гладко бывает только на бумаге. Жизнь вынуждает только поправки, ставит трудности. Серьезным испытанием на прочность стал для комсомольской группы второй год пятилетки. Для цеха построили еще одно помещение. В связи с производственной необходимостью в новый корпус перешли работать Сергей Бигун, на другой участок перевели Александра Кравчука, призвали в ряды Советской Армии Дмитрия Коваленко и Зиновья Глазковского. На участке снова появились новаторы.

Группкомсоргом избрали Ольгу Тушницкую. Правда, не единогласно. Были на собрании сомнения: Ольга не так давно из завода и еще, как говорится, сама не совсем уверенно стоит на ногах. Не было у нее и опыта организаторской работы. И это скрывали: Ольга ее стремилась сделать сама. И, естественно, физически не успевала и только тогда по-настоящему оценила совет бывшего комсорга цеха: за все сама не хватало доверия другим.

А разве она не пыталась? Подошла к одному с поручением, а он и слушать не хочет, еще и нагрубил. Другой никак не соглашался в кино пригласить. Третий спешит в спортзал на тренировку. К тому же еще и мастер, как же показалось, неприятливо в ее сторону поглядывает. Десятилетью, у нее сложилась выработка, появились пропуски занятий в вечерней школе...

Первыми это заметили молодые новаторы Роман Сергеев и Виктор Буштурк. Роман, демобилизовавшись из армии, вернулся в родной коллектив. Он внимательно присматривался. Десятилетью, у него сложилась выработка комсомольской организации. С Ольгой они учились в одном классе и, естественно, хорошо знали школьные дела друг друга. А это давало возможность всегда в критический момент прийти на выручку. Виктор — один из насцов производства, член комсомольского цеха. Он наблуд за делами группоморга, подкашивал, если возникала такая необходимость, но не всегда вмешивался. Считал, что трезвая самооценка своих возможностей наиболее полезна. Целую жизнь человек в тридцать более комсомольский активист, не может реально оценить свою роль в коллективе.

На очередном собрании были открыто выявлены недостатки и промахи в работе и комсорга и всего бюро. Каждый получивший ответственность за свои поступки, понял, что в группе должно быть дисциплина и организованность.

А потом был общий праздник, который яркой страницей войдет в летопись комсомольских дел группы цеха, предприятия. Виктор Буштурк в числе первых на заводе за два года и три месяца выполнил задание пятилетки, а также достиг цели в индивидуальном плане. Он достиг ее не финишной лентой, а лишь исходной линией. По своему разуму. Молодой коммунист взял обязательство до конца девятой пятилетки выполнять еще пять норм. Анализировав достижения молодого станочника, непременно задерживая внимание на том, как он учится у новаторов. Внимательно наблюдал за достижениями одного из лучших станочников на заводе Виктора Михай-

ловича Шапошников. Именно от него узнал тонкости заточки резца в зависимости от прочности металла, именно у него научился правильно обрабатывать детали. Это место, здесь много полезных навыков.

Все это позволило повысить производительность труда. Если в начале пятилетки выработка В. Буштурка составляла 180—190 процентов, то в минувшем году уже доходило до 240—250. Сейчас же она, как правило, достигает 300 процентов. Во время составления годового плана: узнал новое — раскормил товарищу. Возможно, именно поэтому на рабочем календаре Романа Сергеева сегодня стоит дата: 1974-го, а Владимира Левченко май 1975 года.

Вновь и вновь возвращаясь к комсомольскому собранию 1971 года, когда молодые рабочие составили свои первые комплексные планы, невольно задумываешься: оправдана ли практика принятия обязательств не более чем на один год? Ведь у заводчан есть и те, кто, начиная с этого года не достигнет. В частности, это можно сказать об обязательстве участником движения за повышение производительности труда на каждом рабочем месте под девизом «Вчера — рубуж новатора, сегодня — комсомольская норма». Производители поступают молодые производственники, разрабатывая личные планы-обязательства на пятилетку. Подобную практику надо поддерживать, распространять.

Вместе с этим и стремятся комсомольцы агрегатного цеха Днепровского комбайнового завода имени К. Е. Ворошилова. Они понимают: чтобы добиться успеха, необходимо ставить перед собой реально обоснованные цели, обеспечить ясность борьбы, сравнимость результатов, возможность практического повышения лучшего опыта. И все-таки главное — предпринять решение «Всего за одного, один за всех». Только так коллектив может добиться значительного успеха.

Во время очередного комсомольского собрания молодые комбайностроители поделили тему своей работы в решающем году пятилетки и превели стартовые планы на 1974 год. Комсорг Ольга Тушницкая взяла обязательство выполнять годовой план к дню рождения комсомола, повысить свою квалификацию до 4-го разряда, а также свое производство до уровня первого предьявления. Виктор Буштурк решил снизить трудоемкость на обработке корпуса распределительных лопаток на 10 процентов, а также приобрести инструмент на 70 рублей режущего инструмента и обучить четырех молодых токарей передовым методам труда. Токарь Роман Сергеев и фрезеровщик Владимир Левченко обязались выполнить все пятилетние задания к 30-летию со дня присвоения комсомольской нормы В. И. Ленина. На своем рабочем месте они взяли обязательство всех рабочих завода сделать каждый день четвертого года пятилетки минимум высокопроизводительного труда. Токарь Владимир Левченко обязывается вперед, помысл резервов производства, постоянная учеба и неизменный рост мастерства помогут этой комсомольской группе занимать все новые и новые высоты.

Красота родной земли

ЮСЕНАЯ ПОЛЯНА

Алексей НИКОЛАЕВ, Владимир ЧЕИШВИЛИ (фото)

Куда ни иди, судьба еда ли не всех красивейших мест нашей земли связана с русской историей издавна, изглуби.

Со времен полковца и печенего путь путешественников на Русь шел с юга. И лавины ордынских конниц копятили торную дорогу. Но зоны лихих аллюров, диние послысты и чужая прокательная речь, разнесившиеся по открытым просторам степной Руси, глотки в окраинах тульских земель — на Острогах степные черозидовы оградиле поессом оставали леса. Дальше разбойным нашествиям идти выходило звериным лазом. Сама природа ставила здесь заслоны, а люди

умножали их крепостью: в тульских лесах «для бережения от приходу воинских людей учинены были заслоны».

Деревья рубили высоко, оставляя пни в человеческий рост и не дорубляя дерево до донца, а как бы завесив его, чтобы только кроной легко оно на землю, как после урагана ложится лес и, полуживой,

В ЭТИХ СТЕНАХ, ПОД ЭТОЙ КРЫШЕЙ ПРОШЛА ЕГО ЖИЗНЬ.

СНГЕЕ ВЫСОКОЕ НЕГО УВИДЕЛ ОН ГЛАЗАМИ АНДРЕЯ ВОЛКОСКОГО.

оставляет непротопленные завалы. Скоро сивозы кроны поваленных вековых дубов, ясеней прорастали орешник, ежевика, калина, иной кустарник, а следом подымались и молодые деревья. Зрелые эти леса расступались только затем, чтобы обойти поляны. Так в стародавнюю пору густая крепость Козловой засеки, что в пятнадцати верстах к югу от Тулы, разомкнулась, обшла зеленым кольцом Ясную Поляну.

Возможно, это название звучало бы для нас теперь таким же далеким отголоском отечественной старины,

ВСЕ БЫЛО ТАК В ЭТОМ КАБИНЕТЕ СТО ЛЕТ НАЗАД, ТАК СОХРАНИТСЯ И СТО И ДВЕСТИ ЛЕТ СПУСТЯ.

В ГОСТИНОЙ СОБИРАЛИСЬ ЛУЧШИЕ ЛЮДИ РУССКОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ.

ВСЕ ЗДЕСЬ «ПАХНЕТ» ХОРОШИМИ СЕМЕЙНЫМИ ВОСПОМИНАНИЯМИ».

нам и Козлова засека. Но сто сорок пять лет назад здесь, на пологом холме, среди некогда засеченных лесов родился человек, навсегда связавший со своим именем два простых русских слова — «Ясная Поляна».

Связь эта так глубока, что другого, сколько-нибудь подобного примера не сыщешь, пожалуй, и во всей нашей истории. В самом деле, как легко представить себе Пушкина и в Москве, и в Петербурге, и в Михайловском, Лермонтова — на Кавказе, в Тархане, Чехова — на Садовой, в Меликове или в Ялте. Только Толстому уготовано в нашем воображении одно-единственное место — Ясная Поляна.

Сознывая, однако, эту глубинную связь, мы пытаемся объяснить ее тем, что здесь написано большинство произведений Толстого, а сама Ясная с энциклопедической широтой описана в его дневниках, письмах, записках и мемуарах и под названием «Ясная» воссоздана в художественных про-

изведениях. Но — капля в океане России. Но именно здесь, в этой малой капле, Толстой постигал смысл и глубину в себе и жизни. Искал загадки вечных вопросов, стоящих перед всем человеком. Вот почему слова Гете о том, что «если хочешь понять поэта, побывай на его родине», озабочены особым, может быть, самым ярким светом, на примере русского писателя Льва Толстого и его Ясной Поляны.

Подобно тому, как сам Толстой не помнит ни на кого из собратьев в литературе, Ясная Поляна не похожа на тот классический и привычный тип русских помещичьих усадеб, знакомый нам по Кускову, Архангельскому, другим именам аристократической эпохи. Здесь нет академического музейного богатства, на которое взиралось с почтительным удивлением, сохраняя при этом душевную холодность. Эта дистанция объяснима не столько различиями в мировоззрении, сколько совершенно иным и нами непримлемым

«пазент» хорошим семейным воспитанием.

Не знаю другого музея, где простые вещи окутаны бы с такой чудодейственной силой, становясь одуховленными и интимно близкими. Старый диван в кабинете, на котором родился Лев Николаевич и все Толстые и который увезочен в русской и мировой литературе («исчезающий истертированный диван, обитый медянными гоздиклами» описан в «Детстве», «Утре помещика», «Семейном счастье», «Войне и мире», «Анне Карениной»), одним уже этим великим «пустым списком» вызывает в нас душевный трепет, но не мешает, однако, представить себе и картины совсем иного толка: как старая икона Прасковья Мясоедова рассказывала здесь маленькому Леву-реве о его дяде, как ходил он под Очаков «заовать турки»...

При всей вышешней ужасности, как и подобает музеям истинно народным, при обилии вещей, накоп-

ранных собою, она как бы олицетворяет собой грубую мощь земли, наделенную, как и в кингах Толстого, высокой поэзией. В Ясной Поляне начинаешь понимать, быть может, одну из самых поразительных особенностей толстовского гения — способность творить великое из вещей обыденных и канцелярских, постигая в их простоте глубинный, земной смысл. Вот почему книги Толстого прочтены-читаются здесь заново, совершенно в ином ракурсе, и это не только радостное чувство узнавания мест и вещей, описанных Толстым с поразительной, ему лишь данной силой, но и постижение самой их сущности, глубинного смысла, который связывает их с землей и с человеческой жизнью. Так, весной в сенокосном лесу, когда «береза, вся обсыпанная зелеными клейкими листьями, не шевелилась, и из-под прошлогогодних листьев, покрывших траву и лиловые цветы...» в эту пору весны я и встретил его в пер-

ПРИРОДА ВЕЧНЫМ ДВМ

изведениях. Такое объяснение может и должно показаться беспорочным, но все же оно представляется скорее следствием, чем причиной, ибо сама Ясная оставила признание, которое не может иметь другого смысла, кроме того, что в него вложено:

«Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны я, может быть, яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду до пристрастия любить его».

Кроме как признать, что в любви, не знаю, как назвать эти удивительные в своей ясности строки, написанные пластиной туш спрессованных мыслей о Родине, о патриотизме и о том, насколько высоким чувстве патриотизма, без которого немислмы эти понятия — столь же интимные, как и гражданские. Основная эта уютом и сердечностью и погружена в стихию Ясной Поляны, можно понять, чем была она для Толстого и чем стала для нас после него.

Ясная Поляна — четверть гектара лесной, овражной и речной зем-

привычки и отношениям, жившим среди людей, нам, в сущности, чужих, воскресить которых с помощью атрибутов их быта может разве что суховатое книжное воображение. В Ясной — иначе.

Здесь человеком овладевает чувство неизменной причастности, как и чему-то своему, глубоко личному, и начинается оно с первых же шагов в этой совсем небарской усадьбе. От ворот, отмеченных теперь, как и во времена Толстого, двумя большими белыми каменными вратами, идет в гору аллея, увеченная в литературе под именем «прешетка». Обычно в барских усадьбах аллея ведет к колоннаде парадного подъезда. Здесь «прешетка» обходит стороной дом, в котором нет ни колоннады, ни парадного подъезда. Видно, что цель живших здесь людей не состояла в утверждении бытия, в желании «поразить воображение торжественной помпезностью и диковиной роскошью. Напротив, все в этом простом и понятном доме с облупившимися и поблекшими зеркалами, с темными квадратами портретов предков не борется какой живописью — все здесь

большим и обжитым за долгие годы летними семейством, не думаешь вовсе, что это обиталище графа Толстого. Печаль простоты и не показной, но природной демократичности, лежащая на всем в этом доме, сливается в некий ясный, цельный и живой образ. Простые полки, дощелки из березы и всякая мебель, очевидно, тоже дощелчатая, приспособленная не просто к поношению, но к работе... свидетели простого и привычного быта человека, создавшего великие книги и увековечившего по-крестьянски пахучий, властный пучок сыпучих. Даже теперь не трудно напрягать воображения, чтобы представить себе, как, приезжая в Ясную, молодые братья Толстые слали здесь по-крестьянски, постеляя на пол жареную соломку.

Но дом есть дом, который хозяин создает по образу и подобно своему и в котором, как в зеркале, отражается человек, его труды и дни. Природа творит сама себя. Но, подобно дому, природа Ясной Поляны удивительным образом воплощает в себе такое явление, как Лев Толстой. Она здесь — воплощение ясности и про-

вый раз в жизни, что давно уже знал.

«Это был огромный, в два обхвата дуб, с обломанными, давно видню, сунами и с обломанною корой, заросшее старыми болочками. С огромными своими неуклонными, несимметрично-растопыренными корявыми руками и пальцами, он стоял, сердитая и презрительная, угрожающая между угрюмыми березками. Только он один не хотел подчиняться обаянию весны и не хотел видеть ни весны, ни солнца».

А спустя еще день, день, который вес был протрет животными весеними и по-летнему жарким солнцем, на том же месте я встретил его опять, этого знаменитого с детства «дуба юная Андрей», и как толстовская героиня, не сразу узнал его.

«Старый дуб, весь преобразивший, раскиснувшись штротом солнца, темной зелени, аллод, чуть похляпывая в лучах вечернего солнца. Ни корытых пальцев, ни болячек, ни старого недоедания и гора — ничего не было видно. Скорее жесткую стволению юрою пробились без сучков сочные, молодые листья».

Дуб этот, постаревший на целое

столетие, и теперь стоит недалеко от Толстовского дача в старом лесном массиве, остатки засечных лесов, называемом мастера в этих местах Чепык. Этот лес с самым дубом, прославившим, как ни одно другое дерево на земле, обретает здесь свою вторую жизнь, с такой щедрой гениальностью подаренную нам Толстым, — именно здесь гроза застала Кити с ребенком, а потом вдруг вспоминаешь, что еще раньше переночевала здесь труппа Софьи Андреевны Толстая с первыми сыновьями Сергеем и «искупил Левина был искупил Льва Николаевича...» Так на твоих глазах природа, преобразившая искусство, обретает логическую строгость и ясность завершенности, наполняя нам внутренний мир воспоминаний так, точно все это случилось здесь с тобой. И творимый зрим вспоминаем не отсюда.

Связь Чепык идет дорога, по обе стороны которой, как и во времена Толстого, стоят еще поставившие де-

чек. Низкими и кочковатым его берегом отмечено начало знаменитого Калининского луга, где от зары до зары в санокосную пору Толстой работала бок о бок с исполнителем музыки, и который со всеми овражками, перепадами, редкими деревьями, весь до мельчайших подробностей знаком как по незабвенной сцене ныски в «Анне Карениной».

За Калининским лугом, по ту сторону реки, поднимается Юшкин верх, знакомый и по роману и по изречению Толстого. Здесь много лет назад он надел бедной крестьянской вдове Анисе Копыловой.

Недороботавляем, в свое время издававшим это прицудан графа, не пришлось в голову, кини страниц лишилось бы мировая литература, если бы великий писатель не был работником, в поте лица ходившим за сохой! Да и кому может прийти в голову назвать «прицудан» этот труд, так описанный художником Ре-

ясной Поляне. Как, быть может, ни в каком другом уголке земли, в Ясной идет поразительный по своей безразмерности диалог с природой, когда каждое дерево, каждая полянка в лесу или заросший камнями овражек становятся задумчивыми собеседниками. Страницы книги, переплетаясь с эпизодами его жизни, оживают, заставляя смеяться сердце, как от предчувствия волнующих открытий, которые и приходят здесь вволю.

Если не найдешь сам, любой ясной полянкой мальчишка укажет место в мелком осиннике над речкой, называемое Гусевой поляной, где стояли на туге Левин с Облонскими, а когда весной гасилась в Ясной Тургеня, Толстой приводил его сюда на вечерние зори.

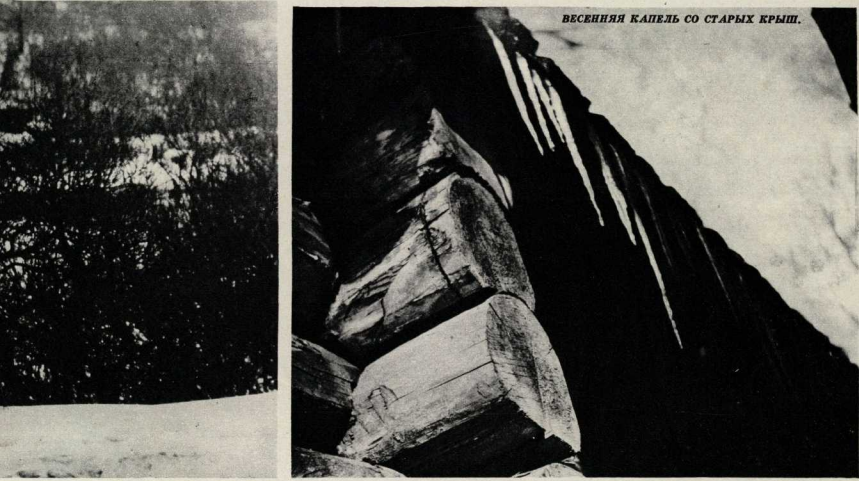
По доброду охотничьему обычаю хозяин ставил горы на лучшее место — вот оно, на углу ашистой и топкой полянкой,— а сам отходил на другой край, и этой, может быть, двойничке-березе, наполненной, как

лес; и на свете зары березки, расписанные по осиннику, отчетливо совпались своим висцими ветвями с надумтым, готовым погнупт почкам.

Из частого лесу, где оставался еще снег, чуть слышно текла еще извилистыми узкими ручейками вода. Мелкие птчиц шобобели и изредка пролетали с дерева на дерево.

В промукетках совершенной тишины слышен был шорох прошлогодних листьев, шевелившихся от тавиза земли и от роста трав.

А потом было самое волнующее, самое ожидаемое в весенней охоте: «ближние зары хорканя, похоне на равномерное наддрание тугой ткани, раздавались над самыми тугами... И опять воображение переплетается с литературой, листья шепелят, как страниц книги, Толстой заснеживает Левина, и ты слышишь быстрый и тугой звук дуплета, немалого глумовый, как это бывает, когда стреляют дымными порохом, и неподржаемый

ВЕСЕННЯЯ КАПЕЛЬ СО СТАРЫХ КРЫШ.

ревя с корой, похоне на сплывающую мору, смыкающиеся где-то возле неба расцетавшими каждую весну логичны и тяжелыми от густых листьев простора, поне поднимается и распырское ветру и опеспелитному, как это всегда бывает после лесного сумрака, свету. Постепенно расширяясь, точно вбирая в себя силы распахнутого простора, поне поднимается на пологий бугор и плавно снижается к Воронке. За речкой берег снова поднимается широким уступам, по которым до самого горизонта стоят леса старой Козьмоной засиски. С юго-севера они видны, как классический пейзаж, тремя планами — коричневатыми, зелеными и, наконец, синими, тающими в прозрачной дымке дальей. Воронка выется в низину, укрывая по изгибам мелкими кустарником в пологих ложинках. За одним изгибом река расширится небольшими и теперь совсем уже мелководными бочажинками. Вместе с речьяным своим Яснополянской школы, которую он любил, как самое дорогое и нужное дело жизни, здесь купался Толстой...

«Ещесть часом без отдыха бороздил он сохой черную землю, то поднимался в гору, то опускался по отлогой местности к оврагу. Менялись только краски, да посконная его рубашка становилась все темнее и темнее, особенно на груди, на лопатках и на плечах от пота и чернотенной, садившейся туда пыки...»

И вот он теперь, Юшкин верх, пологий взгорок, кусочек русской земли — бесценная реликвия и памятник великой жизни.

«Работало довольно много руками... с понадельного пахота и покосы. Всего одна только строчка из письма 1888 года. Года, когда писал он «Крещеную сонату», «Фальшивый купон», «Плоды просвещения»... Сколько нужно было любви и задела, мужицкого уважения к труду, понимания жизненной и моральной необходимости его, чтобы уходить от письменного стола и, от зары нести тугую крестьянскую работу!

Все это приходит в голову, заставляет волноваться, передумывать и передумывать все, что знаем мы о Толстом, о себе, о своем создателе жизни,— все это происходит здесь, в

и сейчас, бродящими соком весны, и приснисно к его опсидаемую гладкую стволу шомполную двустолую работу тупского мастера Грязнова [она и теперь стоит под степлом в шапку исполнителем дома], слушал тишину вечернего леса, нарушаемую треском дроздов, гомонящих в голых ветках. Ирландский сеттер шоколадной окраски с посконными бровями нетерпеливо садился у ног, нервно вздрагивал ушами и широко поворачивал пушистым хвостом от каждого звука, который казался ему приближением дождя. Он сидел в такой желвакой птчице. А по другую сторону поляны, на фоне голубеющего и розоватого от бледной зары леса стоял и тоже слушал тишину крепкой, круглопопый человек, в высоких темной кожан сапогах, держа на гибке локтя легкое щегольское ружье дорогой английской работы...»

В тот вечер, как и в эту весну, на Гусевой поляне за речкой Воронкой все было так— и точно так,— как описано в романе, в строчках, где он превращает слово ни у кого из ныне пишущих ружья не поднимается:

«Солнца спускалось за крутиной

этот звук затиски и замирает в яснополянских далах и за ним — голос Толстого:

— Булка! Булка! апорт нски!

Минушей весной стоял я у старой березы на Гусевой поляне за речкой и слышал звуки, оплохоне на равномерное наддрание тугой ткани, видел вальдшнепов, все так же, как и тогда, тающих по краю синего, еще не одетого леса. Только выстрелы давно уже не раздаются над заповедной землей, и это на руку вальдшнепам, которые — изнуганные — тавнут здесь теперь, начиная по снегу и вальдо до лета, как в его времена.

Возвращающиеся с туги в темноте его тропами — сначала, оставляя обон круглый осинник, спускаются в низину и Воронку, которая уже прошла и разлилась по лугу, перебедашь ее ощупью, потом, мелко ступая по влажной, оттаявшей земле с ковером низкого и бесшумные весенние травы, пройдешь в урочище Елочник и его сканею и, минув ее, только постояв рядом, свернешь на поляну с пятиствольной веткой посредице, потом — на тропу в Чепык и много черных стволоч, уходящих в

темное небо с ранними звездами, выйдешь на развилку лесных дорог, и тут деревья расступятся и откроют мягкий, слабо мерцающий свет — точно облако опустилось к земле — это цветет ухоженный, перекопанный яблоневый сад, посаженный его руками, но свет этот не прекращается и не гаснет, потому что за садом светятся и белеют стены его дома. А здесь надо стоять, слушать: соловьи поныне, поныне, подалее, поближе, сразу и синюпками — как в такую же весеннюю ночь в его времена.

Времена иные, и завтра, когда по яснополянскому дому поведут экскурсию, закроют все окна в сад, потому что в эту пору соловьи на умолкают

ЯСНОПОЛЯНСКОЕ ЛЕТО.

ПОД КРОНАМИ ЗРЕЛИ И РОЖДАЛИСЬ ВЕЛИКИЕ МЫСЛИ.

**КУДАЛЬНЯ В СТАРОМ ПРУДУ
ЖИВА ДО СИХ ПОР.**

**ОДНА ИЗ САМЫХ СКРОМНЫХ
ВЕЛИКИХ МОГИЛ НА ЗЕМЛЕ.**

здесь даже в полдень и не дают услышать голоса, рассказывающего о Толстом. Они так и будут рассыпаться трели до той поры, когда «блженный сад начнет наливаться желто-зеленым соком». Потом тяжелее, спелые яблоки, тихо ударяясь, будут падать на мокрую, уже в листьях землю. Так же будут падать желуди в Чельмже. Тогда в Ясной станет осень. Золото завьивит над головой в посаженных Толстым дубах, вязах, ясенях и березах. Потом золото опадет, но опять будет звенеть на земле — от ветра, от крыльев птиц, перелетающих дорожками ясенюлянского парка. Потом сухой снег носом полетит вниз сквозь кроны деревьев и, не тая, будет лежать на домиках, высохших и схваченных морозом листьях. Снега укроют Ясную глухими сугробами, но золото будет звенеть и зимой — в неотшед-

ших кронах молодых ирландских дубаев, по всем лесам Ясной Поляны вплоть до самой весны, когда неизменная сила земли оденет их вновь рожденной зеленой жизнью. Самой природой Ясная Поляна обречена на бессмертие. Как и книги Толстого. Возможно, у каждого из нас свое мнение о том, когда этот край западной русской земли лучше — весной, осенью, зимой или летом. Это похоже на любовь и кингдэм Толстого: одни больше любят «Войну и мир», другие — «Анну Каренину», третьи — «Воскресения» или «Казань». Но, как и каждое из этих творений, Ясная Поляна прекрасна в любую пору и, подобно его кингдэм, прекрасна по-своему. Она входит в наше сознание задолго до свидания с ней, входит с первыми прочитанными его книгами. Но в жизни каждого человека существуют несколько «открытий Толстого», ибо в разные годы он дает нам столько, сколько мы можем взять. Потому всякое путешествие в Ясную Поляну будет новым открытием ее, новым постижением Толстого.

МАРТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. НЕОБЫЧНЫЙ «УРОК»
2. НИЦЕТА С БАНКНОТА
3. В ЗАСТЕНКАХ ВОЕННОЙ ПОЛИЦИИ
4. КРИЗИС И ИММИГРАНТЫ
5. ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ НА... ПОЛОВИНЕ АВТОМОБИЛЯ
6. ОЧКИ, ЗАВЯЗАННЫЕ УЗЛОМ
7. ТЕЛЕВИДЕНИЕ И МОЛОДЕЖЬ
8. ОЖИВЛЯЮЩЕЕ ОЗЕРО
9. РОМАН НА СТЕНАХ

Информация о зарубежной прессе.
Материалы печатаются в изложении.

1.

Австрийские и западногерманские телезрители были потрясены фильмом, снятым и продюсированным Баварским телевидением. В нем показан эксперимент, состоявшийся в миюнхенском институте имени Макса Планка, в отделе психологии и психопатологии. Суть его заключалась в том, что на студентах проводился тест 120 человек — представителей разного пола, возраста, образовательного цеза и социальной принадлежности. Их отборили из 28 тысяч кандидатов, после чего начинался тест, в котором они исполняли роль «учителей» и «учеников».

«Ученик» садился в специальное кресло, к его рукам прикреплялись электроды. «Учитель» сидел в соседней комнате и по динамике называл существительные и прилагательные, которые «ученик» должен был повторить в различных сочетаниях. При ошибках «учитель» говорил: «Неправильно!» и наказывал «ученика» ударом электрического тока, после чего начиналось другое урочное задание. Моманше «ученика» распознавалось «учителем» как неправильный ответ.

Наказание электротоком начиналось при напряжении 15 вольт и заканчивалось 450 вольтами. На электрорегистраторе были ручки, снабженные надписями «легко», «очень сильно», «необычайно сильно» и «опасно». Над отметкой 450 вольт были поставлены три крестика.

И вот что выяснилось: обычно после наказания в 75 вольт «ученик» кричал, после 100 — стонал, после 150 — просил прекратить опыт, после 250 — почти терял сознание от боли, утверждая, что не может больше выдержать. После 420—440 вольт из комнаты «ученика» не доносилось ни звука, ни стола. «Учитель» не знал, потерял «ученик» сознание или даже умер. Но сотрудник института наотлично повелся: «Продолжайте опыт! Некоторым коммалась. Другое — не оном». Третий, не задумываясь, продолжал этот опыт-испытание.

Лишь один из 30 «учителей» оказался от продолжения опыта при 450 вольтях. 85 процентов повернули ручку, над которой стояли три крестика.

Никто из них, конечно, не знал, что каждый раз роль «ученика» исполняет 21-летний студент, будущий журналист Луис Борх. И он играл свою роль хорошо. Его крики и стоны были записаны на магнитофонную ленту, а сам Борх под дневных наблюдений за «учителем».

Но «учителя» ничего этого не знали, и 102 из 120 со спокойной совестью «убили» своего юного подопечного.

«ВНИК», ФРГ.

2.

На лабиринтах улиц можно в последнее время встретить нищую старуху. Облеченная в простое черное платье (как большинство пожилых испанок), она останавливается на многолюдных улицах со своим изувеченным поном. Семидесятилетняя нищенка некогда была самой красивой женщиной в Испании. Ее имя

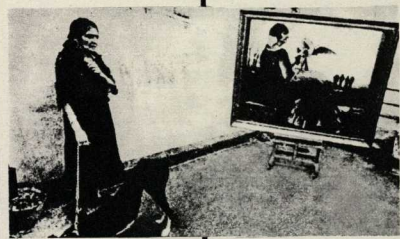
Наталиа Кастро, в двадцатые годы художники «разрывали ее на части», потому что Наталиа Кастро целое десятилетие была самой популярной моделью и даже посылалась моделью жещимы, изображенной на стопесетовом банкноте. Это, однако, не принесло ей счастья. Чем быстрее уходила ее молодость, тем реже доводилось ей видеть банкнот с собственным изображением. Не удивительно: в шалашу нищих, несмотря на инфляцию, стопесетовые банкноты не бросают. На прозябющую и нищете музу наконец обратил внимание один из ее бывших почитателей, художник дон Антонио Бетларе. Он написал картину «Наталиа и олушь» и предложил ее на продажу. Чистый доход должен поддерживать старую музу в последние дни ее жизни. Паталиа в этом случае повезло, но как быть десяткам тысяч остальных испанских стариков и старушек, лица которых в молодости не написали на банкнотах?..

«ЖИВОТ», ЧССР.

ли коммунистической партии, ведущей борьбу в подполье. Многие из них почти без перерыва находятся в тюрьмах с 1946 года. Здоровье унечков сильно погорало. С 1969 года находится в заключении Григорис Фаракос, член политбюро ЦК КПГ, и все его прошение об освобождении исследователи резко отклонили. Состояние здоровья отклонилось кунто.

В настоящее время нет даже точного представления о числе патриотов, заточенных в тюрьмы. Только в первые годы военной диктатуры в тюрьмы и концентрационные лагеря были брошены более 10 тысяч демократов, но ежедневно проводится новые аресты. Объявленное в стране военное положение широко открывает дорогу произволу и злоупотреблениям. Во всем мире ширится движение солидарности с борющимися греческими патриотами, все громче звучит требование освободить всех политически заключенных, отменить военное положение и распустить военные трибуналы.

«ХРИЗОНТ», ГДР.

3.

Из Афн пришло ужасное известие: бригадный генерал Иоаннисид, шеф военной полиции и один из так называемых сильных людей военной гунты, сознательно замучил насмерть молодую студентку. Еще раньше в камере пыток близки Афн был искалечен Георгис Трикалинос, видный левый демократ. Иоаннисид пользуется дурной славою палача многих сотен патриотов. Это фанатичный фашист поддерживает самые тесные связи с итальянскими иофаншистами и неонацистами в ФРГ.

Потрясающая вещь об убийстве юной студентки привлекла внимание мировой общественности ко всем томлящимся в тюрьмах греческими патриотам, среди которых члены и руководители деяте-

Когда появились первые признаки новой фазы энергетического кризиса, рабочие-иммигранты, так называемые «детища» нации Европы, предлагали, что именно они станут его первой жертвой.

И в самом деле, во Франции заводы Пежо решили не возобновлять свои ежегодные контракты с 3 200 иностранными рабочими и не приглашать из-за рубежа новых. В Мионзене молодой грек, работающий на обвонной фабрике, сказал: «Мы уверены, что здешнее население потребует, чтобы мы вернулись по домам, если у него не будет работы». Многие местные рабочие, кажется, согласились бы с такой постановкой вопроса. «Согласен на моем языке толкую о сокращенном рабочем дне», — ворчал машинисторенталь из Мионзена, —

4.

но почему бы не отослать «гастарбайтеров» (так называют в ФРГ рабочих-иммигрантов). Не дая возможности нам работать так, как следует.

И все-таки сейчас большая часть из одиннадцати миллионов рабочих-иммигрантов Западной Европы пока еще не находится в опасном положении. Во всяком случае, в той же ФРГ они обновились настолько, что экономика страны едва ли сможет функционировать без их участия. Восемьдесят процентов сборщиков мусора в ФРГ — иммигранты, они же выполняют большую часть работ, не требующих специальной подготовки, — убирают улицы, работают горничными в отелях, санитарами в больницах. Значительная часть «гастарбайтеров» занята и на полуквалифицированных работах.

Но поскольку положение в экономике остается неопределенным, иностранные рабочие не могут не беспокоиться о своем будущем, поэтому не бросают надежды на получение гражданства. Так, например, один из экономистов Мадридского университета, возвращение в Испанию 100 или 150 тысяч рабочих, занятых за рубежом, повлечет за собой безработицу в стране в два раза.

ТАННМ, США.

5.

Два француза, братья Филли и Тони Понаври, решив пересечь пустыню Сахара из автомобиля. Их «Рено» должен был преодолеть 7 тысяч километров и затем еще столько же обратно. Друзья отovarивали братьев от рискованной затеи, предупреждая, что автомобиль с солдатами грузом может не выдержать испытания: дороги в пустыне — не скоростные автомагистрали. Но Тони и Филли были непреклонны: решимость достигла цели.

Почвачу все складывалось благополучно, но на обратном пути на границе между Мали и Алжиром случился несчастный случай: машина сломалась. Однако братья не сдались. Хирургическая операция оказалась успешной: «елмузин» был превращен в двухместный кабриолет, который вы видите на снимке. То, что было не нужно новоявленной автоновке, выбрасывал, остальное связал проволокой.

Позже Филли вспоминал: «Любая яма могла стать последней на нашем пути». Однако половина автомобиля успешно выдержала испытание.

ПАРАЛЛЕЛИ, ФРГ.

6.

Роберт Барбер, президент одной из американских компаний, занимающихся производством очков, утверждает: «Мы сможем даже прыгать на этих очках — все равно на них не останется ни малейшего следа разоружений».

Колпачки разоружатся раньше и оковы из пластика и бамбука будут разламываться, очки оваружаются к своему изначальному виду. Колпачки в течение года изумчат, как, в каких ситуациях колпачки чаще всего разламываются, очки оваружаются им аркачки окуляры. Теперь, как полагает мистер Барбер, родители могут сэкономить деньги, если их дети будут пользоваться новыми, легкими сабмариновыми и выплывающимися очками.

УКИНГД, АНГИИ.

7.

Съезд психиатров Венесуэлы охарактеризовал кино и телевидение как опасные наркотики и потребовал немедленно поставить их под контроль государства. В своем обращении и правительству съезд призвал национализировать все радио и телевизионные станции и вернуть на себя управление ими.

Венесуэльские психиатры подчеркивали, что кино и телевидение, превращаясь в исключительно коммерческие предприятия, оказывают губительное влияние на мышление, привычки и поведение людей. В итоговых документах съезда отмечалось, что радио и телевидение в огромной степени ответственны за духовную и моральную деградацию общества. Делегаты также указали на необходимость отградить детей от вредной деятельности местных и иностранных бизнес-телевидения.

В выступлениях участников V съезда психиатров Венесуэлы были преданы гласности результаты исследований, проведенных среди молодежи Каракаса, о пагубном влиянии на нее радио и телевидения. В частности, во время одного из опросов молодым людям были розданы анкеты с просьбой дать собственное определение тому, что они понимают под словом «хороший» и словом «плохой» в телефильмах.

Ответы оказались примерно одинаковыми.

«Хороший» — это всегда молодой, превосходящий сложенный пафос, красивый блондин, смелый и игольный, веселый, любит вечеринки, праздники, у него собственный автомобиль, красивые женщины и обычно он американец.

«Плохой» — это несчастный человек, одевается плохо, всегда жалует на свою работу, он негр, приходит поздно домой и бьет свою жену.

Любопытное представление, сложившееся у многих в детях благодаря радио- и телевизионным передачам. «Это люди, которые никогда не глядят свою одежду, ходят помятыми, носят очки, от них пахнет изуродованными или нежелают изобретать бомбы и живут в бедности до тех пор, пока не согласятся все-таки примириться за изготовление бомб, и тогда уже они счастливы и можно уже назвать их «хорошими»».

Кроме вопросов, связанных с радио и телевидением, психиатры Венесуэлы обсудили на своем съезде также вопросы применения аллопатрии в стране. Было обращено также внимание на рост потребления наркотиков среди молодежи.

«ВЕРДЕ ОЛИВО», КУБА.

8.

В наш век существует не только Мертвое море, но и мертвое озеро и реки. К одним из них принадлежит и озеро Бруссельское в Швеции. Его дно покрыто различными отходами перерабатываемых металлов, которые попадают сюда из окрестных предприятий. Из-за недостатка кислорода в воде исчезают все растительные и животные организмы, причем начались еще с рыбы, а затем исчезли микроорганизмы и водоросли.

Сейчас задумались над тем, как вернуть жизнь Бруссельскому. Для выяснения процента содержания кислорода в воде в глубоких слоях озера были установлены 4 гигантские турбины. Зарезанная и истощенная вода забиралась в специальные камеры, куда мощным компрессором накачался чистый воздух. Сам компрессор помещался на берегу Бруссельского. Вода, обогащенная кислородом, заставляла быстро разлагаться и разпадалась вредные химические соединения. В то же время кислород способствует разложению шлама в воде озера.

Предполагают, что за 4—5 лет озеро настолько очистится, что в нем можно будет посадить водоросли и начинать разводить рыбу. Конечно, на дне остаются различные сточные продукты, но вода уже сможет принять жизнь.

«СЕ», ШВЕЦИИ.

9.

Обычные методы распространения литературных произведений были отвергнуты молодым английским писателем Дэвидом Кокс-

дом, который проводит в Лондоне свой сенсационный эксперимент: настольный роман с продолжением.

Каждую неделю Коксхед представляет читателям краткую главу из своей последней книги, вышедшая она на стенах станции метро.

Писатель делает выжимку размером в одну машинописную страницу, которая фотографируется и увеличивается до размеров большого рекламного плаката. Каждая часть романа таким образом оказывается среди афиш, которые рекламируют новый стиральный порошок или какую-нибудь марку виски. Но сотни пассажиров неосознанно останавливаются, привлеченные необычной формой послания, которое адресуется им, и остаются прочесть его содержание.

«Если один человек в день прочтут свой поплавок, чтобы пропустить, что я написал, значит, информация достигла цели», — объясняет Дэвид Коксхед. В XX веке внимание публики все более привлекается огромным числом событий, людям уже не так часто выпадает возможность почитать в магазинах увлекательные книги. Помочь читателю и должна моя система настольного романа, которая начнется эпоха издания выставленных в общественных местах для того, чтобы широкая публика было легче познакомиться с ними».

Первые два романа Коксхеда остались почти незамеченными. Терпеливый настольный роман называется «Тети Барт» и повествует о жизни нестесненной парижской личности. Согласно оценкам, выставленный в метро роман в настоящее время прочли около 100 тысяч человек.

Фотоувеличение романа обходится не так дешево. Но у писателя есть возможность получать расходы суммой, выходящейной у компании «Таймс телевидинг». Коксхед считает, что теоретически мог бы продолжать подобную издательскую работу неограниченный период. Только это стоило бы очень дорого, а он не хочет злоупотреблять вымодком своим текстом, что это финансировало. Ему достаточно того, что он доказал, что в настоящее время при минимальной организации роман может быть распространяем среди самых различных социальных слоев, если автор готов сделать это бесплатно и даже на собственные средства.

«ДОМЕННА ДЕЛЬ КОРРЕЙЕРА», ИТАЛИИ.

НЕ ВОСТАВИЛИ

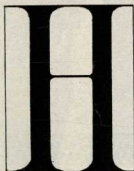
В американском городе Сент-Поле, штат Миннесота, продолжается судебный процесс над руководителями организации Движение американских индейцев Расселом Минсом и Деннисом Бэнком, которые возглавили вооруженный протест индейцев оглала-сиу в небольшой деревушке Вундед-Ни, расположенной на голых холмах штата Южная Дакота. Более 120 их соратников предстали перед судом в городе Сиу-Фолс, дела еще 100 человек рассматриваются в судах резерваций, и 150 индейцев находятся под следствием. Так американские власти собираются расправиться с одним из передовых стрелов борьбы коренного населения страны за свои права.

НА КОЛЕНИ

Заметки о движении американских индейцев за свои права

Владимир САПРОНОВ

Н ебольшая белая церквушка, несколько домиков да уходящая за горизонт стрела шоссе — вот и весь пейзаж. Там, вдали, предстал случайному путнику маленький индейский поселок Вундед-Ни. Вряд ли кто специально приезжал сюда, в глушь резервации Пайн-Ридж. Шоссе, которое названо в честь одного из вождей индейцев сиу Трора Большой Ноги, не гуртский маршрут, а резервация не из разряда показательных.

Обгорелый остов церквушки, на закопченных стенах выбоины от пуль. Рядом на флигелке пересурый флаг США. В нескольких метрах — траншеи, блиндажи, завалы, наблюдательные посты. Повсюду слуги, черноволосые парни с автоматами и винтовками. У некоторых бутылки с

зажигательной смесью. На обычно пустынном шоссе леодаль грозные силуэты бронетранспортеров, дула их крупнокалиберных пулеметов повернуты в сторону поселка. С наблюдательного пункта видно, что возле них прохаживаются люди в зеленой униформе агентов федерального бюро расследования и в синей — из специальных частей местной полиции. Так выглядела деревушка во время 70-дневной осады оцепившихся в поселке индейцев — членов организации Движение американских индейцев. Они пришли сюда вместе с жителями резервации Пайн-Ридж, чтобы выразить протест против дискриминации, нищеты и беззакония, пришли, чтобы потребовать от правительства немедленного расследования всех нарушений до-

говоров, заключенных с индейскими племенами. Они предложили властям пойти на переговоры.

Власти решили вести переговоры с позиции силы. Был составлен список резерваций, в которых индейцы «Фантомы», вооружив ступицу колес осады специальными «силами вторжения».

Акция эта не блещет новизной. Сила всегда была армией, а армия — в состоянии с индейцами. Именно на этом этапе, где индейцы круговую оборону брали борцы за права коренных жителей Америки, произошла одна из самых кровавых драм в истории умиротворения индейских племен. Началась отчаянная — Большая Братская война. На широком каменистом обрыве выселки имена погибших в то сумрачное холодное утро 29 декабря 1890 года.

Старый и немолодой большой вождь по имени Большая Нога горько сожалел о приходе дедушки мескис, который избивает народ от белых властей. Спасая от преследований индейцев, индейцы шли в Пайн-Ридж, где надеялись найти покой и последнее из великих водоемов — Большая Облава. В пути их настиг большой отряд навалеров. У излучины реки Вудед-Нин пленники разбили свои вигвамы и устроились на ночлег. Тем ночью индейцы окружили солдат. На холме они поспешно разобрали свои вигвамы.

Наутро индейцы приказали сдать все оружие. Но после того как приказ был исполнен, солдаты начали обшаривать вигвамы и нашли у молодого индейца в нагрудном кармане «новый» «винчестер». Черный Кокоит был глупым, но слышал приказ.

Когда у него силой отняли винчестер, пробрелся выстрел. Раздался ружейный залп. Десять индейцев остались лежать на снегу. Небольшая группа индейцев и солдаты сменялись армяношауноу. У большинства индейцев не было даже ножей, и исходы сражений были предсказаны. По убегающим индейцам огонь пушки на холме. Шарами не щадили ни мужчин, ни женщин, ни детей...

— Ну, я, ни любой другой индейцы не могут исправить прошлое, — заявил в своей речи по поводу убийств индейцев министр внутренних дел США Роджерс Мурдэн. — Они [защитники Вудед-Нин. — Ред.] — ренегаты, молодые авантюристы, преступники... Кровавое прошлое — это знания, дешевая популярность — это вот чего они добиваются. Конечно, о будущем индейцев не следует судить за своим столом и с благодушием думать о своей соседней земле — нашей земле. Я хочу, чтобы его сердце наполнилось гордостью оттого, что он знает, что для него того не существует американская мечта...

Эти слова были пропущены в то день, когда в Вудед-Нин шла очередная перестрелка между защитниками поселка и тремя сотнями солдат ФБР и полиции США. Кровь американцев и индейцев разливали осаждаемые индейцы, отрезанные от всего мира кольцом блокады и не получающие на протяжении нескольких суток продовольствия! О чем мечтали они под градом обрившихся на них сыновца!

Да и какая американская мечта может быть у индейцев,

если 40 процентов из них не имеют работы, а оставшиеся 60 имеют лишь одну четвертую среднего дохода американца; детская смертность через месяц после рождения втрое превышает смертность в средней американской семье; а сплошной недостаток школьного образования более половины детей индейцев не в состоянии читать шпалочку!

Зачем самубийство среди индейской подростковой молодежи, если не в надежде на будущее? Насколько красноречивы эти сведения! А ведь сухая и безбестрастная статистика ничего не может сказать об истинной глубине человеческих страданий.

РЕЗЕРВАЦИИ Пайн-Ридж не самая худшая и не лучшая на территории Соединенных Штатов Америки. Средний уровень нищеты и безработицы, такое же засилье чиновников из федерального Бюро по делам индейцев, то же несправедливое отношение к индейцам. Как и в других местах, здесь продолжают расширяться индейские земель фермерскими учреждениями и частными лицами. Неостановимость в США сейчас понятие в капиталистической Америке. Собственность — это — исключение. Завлат индейские земель всегда был если не единственным, то главным лейтмотивом государственной политики по отношению к коренному населению. Менялись лишь методы грабежа.

Есть такое слово в американском политическом диалекте — «терминация». Под ним подразумева-

ется принятый в начале пятидесятых годов закон о терминации [прекращении] всех обязательств правительства по отношению к индейским племенам. В свое время эти обязательства были закреплены в так называемых «договорах», которые вступленно индейцам земель правительство обязало охранять резервации от посягательства неиндейцев и не облагать их поземельными налогами, высылать из резервации индейцев, добывая и товарам за «упусленные» ими по договорам земли, оказывать безвозмездную экономическую и медицинскую помощь, предоставлять бесплатное школьное обучение для индейских детей.

Вместо того, чтобы эти договоры соблюдались, особенно пункт об охране земель. Но они были той последней соломинкой, которая привела к ликвидации резерваций индейцев. А теперь из земли шлн с «любопытными» индейцами покинули родные края и переселились в большие города. В Чикаго, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Денвере, Минеаполисе повисали индейские гетто. Туда же съезжались и индейцы из не тронутых новым законом резерваций. Одни по правительственной программе переселения, другие — по своей воле...

АМЕРИКАНСКАЯ буржуазная пресса в один голос утверждала, что Вудед-Нин захватила жалкая группа отщепенцев, против которых выступают не только индейцы, но и представители индейцев, даже же жители резервации Пайн-Ридж. Радиостанция «Голос Америки» оповестила все мир о том, что разгневанная оккупация Вудед-Нин, индейцы оглашаю-щую окружающим поселком дополнительным количеством блокады, воюем флоридского...

На следующий день большинство газет на первых полосах поместили снимок, на котором председатель племенного совета Вилсон, как всегда, в белом костюме, сидит на скамье, а перед ним индейцы, на которых он, настаивая, отщепенцев на пороге единственную ведущую в Вудед-Нин дорогу — Трону Большая Нога. ФБР вряд ли нуждалось в такого рода услугах. Вилсон работал на публику, вверие, но не был политическим деятелем. Радио, телевидение, которым индейцы было во что бы то ни стало найти среди индейцев хотя бы видимость оппозиции Борбу за гражданские права. Тем, кто не был политическим деятелем, среди индейцев, которые пытались помочь осаждаемым. Но как раз эти факты не получили широкой огласки.

Проданные представители племенной верхушки докладывали существование на Молодежь окрестинах их «дядюшкам Томангамкам». По закону племенные советы и их председатели избираются населением. На самом деле их называют «хорошо» по делам индейцев. Назначает и увольняет их правительство на основании «договора» с большим бизнесом хозяйничать на территории резервации и не мешают ему прибирать к рукам земли индейцев.

Против провозглаша Бюро по делам индейцев и его марionеток, против расширения земель, за демократические реформы выступили индейцы оглаша-ли-су. Им на помощь пришла организация Движения американских индейцев. С оружием в руках индейцы начали борьбу с властями Пайн-Ридж и активисты движения из различных районов страны заняли Вудед-Нин. Возле церквушки, которая стоит на месте кровавой расправы 1890 года, на территории резервации был вывешен флаг. Так поднимают «звезд» и полосу только в случае бедствия...

МЫ НЕ СВОБОДНЫ. Мы не вправе решать свою судьбу. Это делают за нас другие. Мы бедны. За тех из нас, кто живет в резервациях, решают федеральные чиновники, бюрократы, их марionетки, которых называют племенной администрацией. Живут в резервациях индейцы, в государственных резервациях, расширяется местная бедность. У нас нет недостатка в правителях.

Многие из нас помнят свое детство, когда, сидя на коленях наших дедов, мы слушали рассказы о том, как индейцы, когда индейцы были великим народом, когда мы были богаты и счастливы. В то же самое время нам приходилось слышать и о страшных засухах, голоде, эпидемиях. Только недавно мы жили в канской тюрьме, и в канцелярии мы тогда жили. Но мы были богаты, потому что были свободны!

Эти слова принадлежат безразлично ушедшему из жизни президенту Национального совета индейцев, в канской тюрьме, и канцелярии мы тогда жили. Но мы были богаты, потому что были свободны! Эти слова принадлежат безразлично ушедшему из жизни президенту Национального совета индейцев, в канской тюрьме, и канцелярии мы тогда жили. Но мы были богаты, потому что были свободны!

делу Борбу за гражданские права. Он был одним из основателей созданного в 1961 году Национального совета индейской молодежи.

Авангардом движения стала радикальная индейская молодежь — студенты, молодая национальная интеллигенция — те, чью судьбу было подыять на Борбу ассис умиренных и утешительных.

Национальный совет индейской молодежи много сделал для того, чтобы обеспечить индейцам доступ к высшему образованию. Активисты этой организации помогали индейцам шта-та Вашингтон в их борьбе за гарантированные договором права на рыбную ловлю — по сути деле, единственно возможной точки существования для индейцев этого шта-та.

Члены Национального совета индейской молодежи вместе с местной организацией «Выживание американских индейцев» организовали три пикета так называемых «фриш-нов», то есть ловли рыбы в местах, запрещенных властями. В эти акции приняли участие индейцы из многих штатов. Они прислали по призыву Национального совета, чтобы поддержать Борбу и своих братьев.

Были упорно сопротивлялись законам, требовали индейцев. Несколько раз полиция вывозила порядков, провозглашав аресты и избиения. Руководители организации — активисты американских индейцев Чарльз Адамс был ранен пулей полицейского.

Но ни террор, ни репрессии не смогли сломить волю народа. Власть вынуждена была отменить несправедливые законы, арестовать американских индейцев Чарльз Адамс был ранен пулей полицейского.

Вслед за Национальным советом индейской молодежи появились другие молодежные организации, сильные и влиятельные: Союз объединенных индейцев Америки, Движение американских индейцев...

Под руководством радикальной молодежи движение Борбу от насильственного сопротивления перешло к активным действиям, от протестов и петиций к активным действиям. В результате проведения вошла в программу Коммунистической партии США:

— Установление контроля индейцев над деятельностью Бюро по делам индейцев. Представительство индейцев в Управлении по делам индейцев, в политических решениях, особенно в штатах с многочисленным индейским населением. Установление местной автономии в районах с индейским большинством.

Указание всех нарушенных договоров путем предоставления лучших земельных участков, передача индейцам собственности на землю, создание национальной комиссии с полным учетом индейцев на землю и другие ценности со времени подписания договоров, совершенных против индейского народа. Гарантирование полномочий существующих резерваций, поданных земельных участков и традиционных индейских земель от возможности новых потерь.

Предоставление права всем туземным народам, признанным индейцами, в том числе и индейцам, передачу этой земли нефтяным и другим монополиям.

Восстановление помощи индейскому народу в деле ограждения его существования как народа, в сохранении его культуры, языка, традиций, искусства, письменности, искусства и литературы. Обеспечение индейцам высшего образования, медицинского высшего уровня образования и медицины по обслуживанию.

Обеспечение помощи в достижении высокого уровня жизни в резервациях. Восстановление помощи в получении профессиональной подготовки и работы при условии нормальной заработной платы и в нормальных условиях жизни на территории резервации.

Обеспечение преподавания истории индейского народа, в том числе и по учебникам, написанным индейцами, в государственных школах.

Город Минеаполис — это уже Запад, и в нравах здесь много от Дикого Запада. Если Юг принято считать «старым Западом», то Запад — это здесь, здесь централед. Только расизм здесь имеет другую окраску — антииндейскую. Девиз «бюкстелителю порядков» западных штатов: «Полюх тот краснокожий, который не сидит за решеткой...» и воплощается в жизнь на территории Торуа, Аризонны, Юной Дакоты воплощаются главным образом за счет индейцев. Так было и в Минеаполисе — городе, откуда начинается Запад...

Многие из нас помнят свое детство, когда, сидя на коленях наших дедов, мы слушали рассказы о том, как индейцы, когда индейцы были великим народом, когда мы были богаты и счастливы. В то же самое время нам приходилось слышать и о страшных засухах, голоде, эпидемиях. Только недавно мы жили в канской тюрьме, и в канцелярии мы тогда жили. Но мы были богаты, потому что были свободны! Эти слова принадлежат безразлично ушедшему из жизни президенту Национального совета индейцев, в канской тюрьме, и канцелярии мы тогда жили. Но мы были богаты, потому что были свободны!

полицейской властью была сведена на нет. Таковы были первые шаги организации Движение американских индейцев.

Затем организация начала борьбу за демократизацию школьного обучения в городе Миннеаполисе и Сент-Поле. Созданный молодежью консультативный совет заставил прислушаться к своим требованиям местную школьную администрацию.

Сент-Поле существует ерническая в стране индейская школа. Сюда охотно принимают ребят, независимо исключенных из «белых» школ. Обучают здесь все наукам, которые преподают в других школах. Не, кроме того, ученики изучают историю американских индейцев, их культуру и мифологию.

Секретари городского отделения Движения американских индейцев Эдди Бентон уже много лет работает на сталелитейном заводе и участвует в профсоюзном движении. Он оспаривает некоторых участников движения за проповедь самозащиты и верит, что лишь в союзе с рабочим классом индейское движение способно добиться победы.

Вскоре после своего создания организация Движение американских индейцев из местной стала национальной. Ее филиалы появились в десятках городов и резерваций. Лидерам движения удалось сплотить индейцев из многих штатов в национальной организации «Прогрессивные договоры». В течение нескольких ноябрьских дней участники марша индейцев на Вашингтон затащили здание Бюро по делам индейцев, пока правительство не дало обещания составить специальное искомое для рассмотрения их требования. Обещания, данные в Вашингтоне, остались невыполненными. Но почему ослепшие индейцы пришли в Вудвуд-Ник, в это священное для всех индейцев американское место. Они прерасно понимают, что их упереленный лагерь мог быть стерт с лица земли. Но они надеются привлечь внимание общественности к бедствиям коренного населения, поднять на борьбу индейцев всей страны.

И они не были одиноким, как это пытаются представить официальная пропаганда. Многие прогрессивные деятели — белые и черные — выступили в поддержку справедливой борьбы американских индейцев. Во многих городах прошли акции солидарности с защитниками Вудвуд-Ник. На помощь им направлялись машины с продовольствием и медикаментами. Популярный актер Марлон Брандо выступил в поддержку лидерам движения американских индейцев — премью Оскара в знак протеста против дискриминации коренных жителей страны. С заявлением в поддержку борьбы индейцев выступила Коммунистическая партия США.

Версия о горсти оппонентов, которые оспаривают все здравомыслие индейцев, оказалась слишком далекой от действительности. В большинстве штатов страны индейцы разнервни широкую кампанию солидарности с ослепшими. В митингах, которые прошли во многих американских городах, участвовали жители индейского гетто, приезжали даже индейцы из удаленных на сотни миль резерваций. Из города Вашингтон, штат Нью-Мексико, выехали в поход по индейским резервациям штаба более тысяч человек — белые, негры, индейцы, американцы мексиканского происхождения. Поход проходил под лозунгом урегулирования отношений с правительством индейцев в защиту своих прав, против политики дискриминации и унижений. В городе Миннеаполисе сотни индейских юношей и девушек провели сидячую забастовку в поддержку индейского центра в центре Среднего Запада. Они заявили о решительной поддержке своих братьев в Вудвуд-Ник.

— Выступление протеста в Вудвуд-Ник — сказал в беседе с корреспондентом ТАСС Деннис Бэнкс — укрепляет уверенность индейцев в победе над несправедливостью и беззаконием.

Поддержка индейцев белыми американцами и другими уважаемыми национальными меньшинствами имеет огромное значение как для успеха борьбы индейцев, так и для всего демократического движения, — отметил Бэнкс.

На днях были опубликованы результаты первоначальной борьбы президентского совета резервации Пайн-Ридж. Большой успех сопутствовал Расселу Мису, который опередил маркетную Бюро по делам индейцев Ричарда Вильсона. Это еще раз подтверждает политическую самостоятельность официальной версии о бунтарях-одиноких.

Нет, не американская мечта, американская трагедия — удел индейцев. Но почему и сегодня, восемьдесят три года спустя, крохотный тем расстрелянный и клуручурный река Вудвуд-Ник холодным змннн утот.

Алексей АЗАРОВ ПОВЕСТЬ

Я заставляю в полуметре от стола. Фои Ариад, болонжоню морщась, вытирает глаза в кресле. Настольная лампа освещает его лицо, утомленное и несвежее. Тонкие руки, пропитанные голубоватым, беспокойно шевелятся; пальцы даже заметно подергиваются.

— Один вопрос: где вы спите, Леман?

— Здесь, в кювете.

— Не так ли? Не раздражайте. Леман, я знаю, что говорю... Да и вы, по-моему, прерасно понимаете, о чем идет речь. Да или нет?

— Иногда я сплю на нашем диване, господин упрямца.

— И в таком случае, надо думать, вы берете на себя ответственность за все, что происходит здесь ночью. Это так?

— Фои Ариад вежливо и выжидающе смотрит на меня. Голос его пробуждает путанную суетность. — Надо понимать также, что в обязанности ночного сторожа не входит осмотр ящиков моего стола... Нет, нет, Леман! Не торчите протестовать. Сначала факты, потом слова. Вы не ребенок и должны сообразать, что, кроме вас, по ночам здесь никто не бывает, а утром я первым иду в кабинет. Ключи есть у вас и у меня. Я не стою у двери, крайности, Леман, но должен вас предупредить: при повторении я уюво вас. Да, уюво! Что бы там ни предпринимали в Трудовом фронте и... где угодно!

Миленькое дело! Я и не думал присесть к его ящикам. Выходит, человек Цолера хосинячая здесь и был неолово — случайно или умышленно, — а теперь убытки списываются на меня.

— Послушайте, Леман, — говорит фои Ариад, постукая пальцем о стол — будет правильно, если я заберу у вас ключ от кабинета. Я могу и заблудиться в отношении того, кто проверяет мою перепишку, но убежден, будет лучше, если davvero окажется зарплатой для всех. Без исключений.

— А пожар?

— Что? Если в час ночи вспыхнет пожар? Тогда как!

Невозвратно и туго и выжидательно аргументы, представляющие выдате ключа. Фои Ариад явно не понимает, что делает грубую ошибку. Очевидно, Цолер пытается запутать его; как известно, панна порождает суету и промывки... Первый уже в кювете. Рельсид со мной, это же ни в какие ворота не лезет! Ладно, кто бы он ни был, фои Ариад, но Франц Леман не заинтересован в его гибели. Вывод достаточно того, что человек Цолера в кювете ведет свой учет каждому шагу упрямца, а так как я догадывался, что он, то убежден, что ни один штришок не пройдет мимо его внимания.

— Это омерз, очень опасно, — бубню я упрямю. Давая фои Ариад понять, что не отступлюсь ни секунды. — По принятым ключам должны быть у сторожа, а против ящика и не пойдут. Хотя что хоти-те делайте!

— Фои Ариад опускает глаза: щека его, ослепленная лампой, напрягается; черный костюм резко подчеркивает блужну кожи.

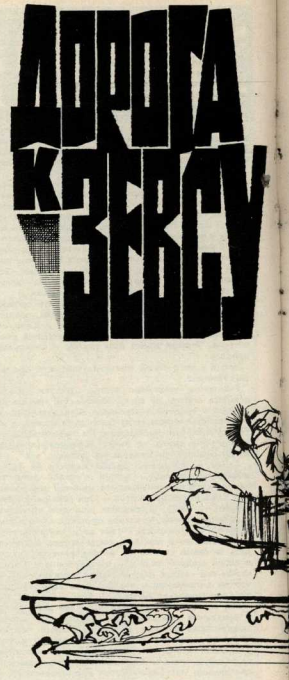
— Да, — говорит он вяло. — Пожалуй, вы правы. Леман, Динштейн. Пусть все остается, как было, и не следует возвращаться к этой истории, не так ли? Вывод ернический, а по расценности не заверяю. Что еще?.. Ах да! Прините мою благодарность в кювете рождения. К сожалению, я слишком поздно узнал об этом событии и... Словом, еще раз примите мою поздравления. До свидания, Леман!

— Хайль Гитлер! — выкрикнула я, прикладывая, уснею ли к метро без опоздания.

— Остаток вечера проходит куда приятнее, чем начало. Пиоро Магда не слишком изобретательна. Анио, точно царица Савская, сдвигаете локонья водки набитую храбрости и проинуюю тост за самую великолепную девушку Берлина. Тридцать три года, украшенные пиоро, голубые мерзавцы ссорюродождат мой слова, предавая им торжественность.

— За вас, Анио! — значительно говорю я и отпиваю глоток из рюмки.

— Анио, да, пожалуйста, развлекайте! Фрейлейн Анио — сначала пальте, потом фигуру и лицо. Пальте си-

лит хорошо, и форма у фрейлейн Анио какие на до; Магда принуждается, давая мне понять, что Франц Леман не прогала, а подружился... Милая Магда, навивай душой! Откуда знаешь тебе, что фрейлейн Анио отнюдь не пьет к Леману и интересуется им отнюдь не с точки зрения амура?

— Твое спасибо, Франц.

— Спасибо, Магда. И вам спасибо, Анио. Я здрово рад, что вы не отказались.

Анио намысленно покатывает головой.

— Когда думают так, не заставляют ждать у метро.

— Фои Ариад задергает меня.

— Что-нибудь серьезное? Неприятности?

— Да так, пустяки... Вышел за вас, Анио, и за то, чтобы ваша красота была сияла, как звездам и солнцу!

Анио щедрой рукой подкладывает на голову Леман толстые кушки пиоро с алвером. Стол у горюшки баклант хрустевшей скатертью; парадное серебро накрывает Анио, сдвигаете локонья рекавизаций в пальцу фронта, матово сияет на хрустальных подставках. Дверь в прихожую открыта, и Бохман, нарушив корректное безучастие, неодобрительно измрннат на нас со стеной.

— Франц, матово сияет, поворачиваясь в их сторону.

— За нашего фюрера! Хох! За человека, давшего мне здровую, полное право сидеть здесь, в дожде.

— Франц саником трутца, чтобы выпалить ее одним духом, и я отпиваю глоток шпана. По шари-

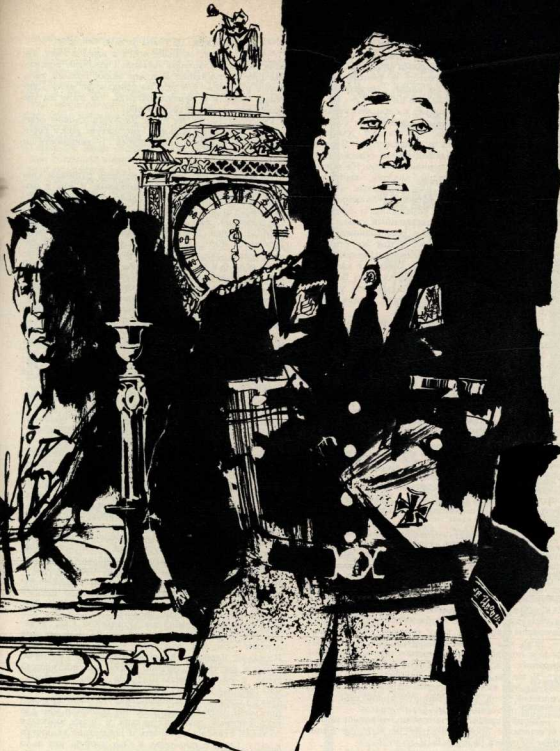

Рисунок Геннадия НОВОХИЛОВА

де говори, я вовсе не думаю так, но я мою программу вкладываю и этот тост, и маленькое объявление в любви фрейлейн Анна, отложенное до выхода на лестницу, и кое-что иное, вне рамок дня рождения. Магда поднимается с места и прижимает мою голову к своей груди.

— О Франци!.. Ты так хорошо сказал! Да все этот вечер на фоне коричневых картин действительности — это — в пастельных тонах. Умелее заставляет ее уронить на мой затылок теплую слезу.

— Хох! — кричу я и залпом выпиваю рюмку.

— Хочу танцевать, — говорит Анна.

Мы перебиваем друг друга, пытаемся вторично завестись огромной, в кожаном чепе «Хис мастер войс»; от Анны пахнет теплом и духами, и я, опережая программу, целую ее в шею.

Пастельника крутятся; Магда ест пироги, а мы с Анной танцуем по комнате. Впрочем, чепе — это, мягко говоря, не совсем то. Я взрадоваю, и носки ботинок все время делаются за ковер. Мы качаемся не в такт музыке, и Анна протестует:

— Хватит, Франц! Не троку нас, я устаю.

— За удачу! — возматая и, вернувшись к столу. — За то, чтобы завтра я был там, где хочешь. И еще за то, чтобы мой старый приятель оказался на месте... Он оччень жает мне! Вылезте, Анни! Фрейлейн Анна тоже пляска, но значительно меньше, чем кажется. На улице она не искольчатется и до дома дойдет твердым шагом. А когда

ложет спать, голова ее будет чиста и прозрачна, как речной лед.

— Куда же вы едете? — говорит она и подносит рюмку к губам. — Или это секрет?

— Большой секрет. Я уеду и приеду, и тогда вы поймете, кто такая есть Франц Леман!.. Пошла, погуляем, а?

Язык мой окончательно заплетается. Магда забавно провожает нас до двери и помогает мне вынуть пальто.

— Хорошо выспитесь, Франци. И да крикнет тебя бог.

— Ладио, — говорю я, целуясь за локоть Анны. — Пойдем на воздух?

Мы медленно спускаемся, цула медленнее, чем хочется Анне, ибо и на каждой площадке делаем настойчивые попытки обвить ее и поцеловать в губы. Анна сильна, и мы молча боремся с переменным успехом.

— Ты здорово принарядился мне, — борчому ж. — Ну что тебе стоит?

Анна останавливается и позволяет моему руке проникнуть под пальто. Пальцы упираются в теплую округлость, и поцелуй выходит излишне страстным: «Ау, Одессей», — говорю я себе, — пора кончать. Игрм с огнем не приводит к добру.

Я выслушаю Анну из объятий, и она, подождав, опирается туалет. На улице стена отваливает от стены на другой стороне и, словно на буксире, следуют за нами в сторону Данцигертрасса. Запах помидор от Диры на губах бесит меня, но я убавляю.

В том, что фрейлейн Анна — агент Цоллера, сомнений нет. Участие в пиршке, поцелуй и вопросы — отягченное дополнение к истории с бумагами фон Арнида. Садомательно, сегодня же ночью господи советских убедятся, что Анна добровольно и без принуждения собирается деста в Берлибургское некло... Если я не обман в Цоллере, то завтра увижу его в Берлибурге где-нибудь неподалеку от ратуши... Берлибург. Что это там подделывает бритый бородой? Насколько я знаю, отлучился в СС отменны. Или нет?

У станции Марк-Муауэн Анна торопится отступать от меня. Я не держу ее, ограничившись, поделуем и просьбой о свидании. Получив свое, я остаюсь. Помираю, и достаточно. Францу Леману пора на покой; он и так больше меры потрудились, будучи интелер советника Цоллера. Члены Анна — оба получаем свои порядки вынимая, а что возьмет? Маленькая частный выигрыш? Нет, не так. Пожелаю, и не прав. Первая цель — обеспечить Цоллера информацией о себе — в принципе меака. Но она ведет к другим, более крупным: Варбург — члены СС — рейкскацеллерия... Это — в пастельных тонах... Вспомнив об этом и о Магде, я тихонечко поствояваю в мид шагам. Пусть будет это! Пусть не картина, а так — чертоточка, штрих, пунктир. Все равно и не должен преобретать им. Такая уж у меня профессия — никогда нельзя с полной уверенностью утверждать, что важно для себя, а что нет. Мелочи — они вроде алмонных корок на лбу кохалды, ослепляющая и — бац! — астишь кубарем, одним костью. Собственные кости, между прочим!

8

Дом как дом, два этажа: на первом — булочная и колбасная, витрины забиты прикрыты плазующими жасальными штормами — на сцене дневного маюста. Окиа второго этажа слабо освещены изнутри; свет проникает сквозь толстые занавеси, приветливый и доброжелательный. Что там, за толщей? Надаженный семейный уклад, с мягкими красками и саксонскими тарелками на стенах или деловой распорядок военной организации — стандартный «ордунг», вышеренный прусским уставом? Любопытство мальчишки, не утраченное с возрастом и житейским скепсисом, жгнет меня искрабрыть по водосточной трубе и одним глазом заглядывать в квартиру.

В дороге я отдохнул, и настроение у меня нормальное. Ватная кашка, сладкий запах перегоревшего угля и свежий дождь действуют на меня, как бром, навевая сны и примиряя с действительностью. Я люблю ездить и довольствуюсь минимумом комфорта: отдельное место, незадымляемые попутничья и отсутствие собак в купе — вот и все.

Берлибург встретил меня сном, рашинки сумерек и провинциальной тишиной. Такси не оказалось, но у левого крыла вокзала я нашел экипаж с фонарем, у козел кучер в соломенной шапке по сезону шляпке, и за одну марку двадцать пеннигов совершила превращение Одессея в среднестатистического странника, вельжающего во владениях разбойника-барона. Пешельная толка домок, флага на крышах в виде геральдических петушков и позаные копыт по брусчатке догонили сладство.

Я развалился на скамье, и чертунья, выходящая, ашадь, в дурацкой шляпке и старалась запомнить дорогу, не забывая при этом присматриваться к машинам, едущим в одном направлении с нами. Не обнаружив признаков славежи, я сонно на полочку, распустился и тут же вылез, вылез ратуши, принявсь прикидывать, кто, помимо Варбурга, может находиться в квартире. Дружественный собеседник с приветливыми окнами при ближайшем знакомстве — ах, и верить окажется логическим разбойником, откуда тут же вылезет владением разбойника, откуда тут же вылезет владением Одессея рисковать вернуться лишь веревками.

«Ну, ну, не робей, Одессей!» — говорю я себе и, бросив последний взгляд на окна, решительно направляюсь к подъезду. Пощадь и ратуша с ее непреодолимой чуждостью остаются за спиной — ненадежный тыл, в котором и не сумев отгадать даже намека на присутствие советника Цоллера. Машины, обгонившие фэгон, и другие — то, что у ратуши, — все как на подбор были с местными номерами; никто не сложился без кола возле забора, и оставалось надеяться, что Цоллер был его люди не перебралет соблюсти всеми удобствами маленького кафе, расположенного прямо напротив ратуши. Из него, по моему, легче всего вести наблюдение.

В парадном я нажимаю кнопку освещения и, прежде чем лампа гаснет, оказываюсь на втором этаже перед единственной дверью — массивной, с фановой ручкой и бронзовым «глазком». Я снимаю пенку и расстворяю пальто: черный мундир СС должен послужить мне приноском. Хорошо

ЧТОБЫ БЫТЬ ЛЮДИ

Марк ТАРТАКОВСКИЙ, специальный корреспондент «Смены»

Иногда можно смотреть приключенческие фильмы,— сказал он.— Все слишком похоже...

История его жизни наполнена опасностями, побегам, смертями — приключениями, словом. Но истинность ее удостоверяет орден Красного Знамени — награда за мужество, проявленное во вражеском плену. Как только началась война, весь выпуск Бакинского института физкультуры добровольно пошел на фронт. Среди них был двадцатидвулетний Мирон Черноглазов.

В сентябре 1941 года взвод десантников, в котором он служил, прикрывая на берегу Ладоги отход наших войск. Бой продолжался сутки. Немцы спешили довершить окружение Ленинграда. Против отчаянно сопротивлявшейся горстки бойцов были брошены танки.

Принял я в сознание ночью, под дождем. Чувство, будто отлежал правую руку. Чуть пошевелился — сразу резкая боль. Гулая шинель набух кровью.

А земля подой мой спойно покачивалась. И голую лямку. Контузью, и даже... Схватите оружие! — слышу над собой. И тут в воспомин, что в правом кармане у меня граната. Последняя, не успев использовать... Камулюсы я вперед всем телом — чувствую: тут она, в бок давит. Я даже обрадовался, что граната осталась. Бродя как на облаке...

Понти все наши были раненые. Гнали по шоссе плотной колонией. Конвоиры смеялись — отдыкали на следовой эскадре автомашине. А мы брели бесозащитно, оставляя позади мертвецов.

На ночлег нас загнали в санарии. Набили так плотно, что те, кто умер ночью, стояли до утра, стиснутые нашими телами. Когда выжили дальше на запад. В тесноте колонны ко мне приблизился наш парторг Диденко: «Подождем все. Не до бежать». Я сказал ему, что сохранил гранату. Он вытащил ее из моего кармана. Отстав поменьше, приблизившись к грузовику с конвоирами, швырнул гранату.

Немцы, оставшиеся в живых, стали стрелять вдоль колонны, отрезая путь к бегству. Я бросился в развороченную амбубой дренажную трубу. Здесь дождался ночи и стал пробираться к линии фронта, к своим. Только ночи стояли безлунные, а дни пасмурные, и оказалось, что шел я не восток, как думал, а на запад, в лесушину.

Мирон Давыдович Черноглазов — преподаватель физкультуры в 116-й средней школе Одессы. Он не молод, и мне хотелось бы написать, что выглядит он моложе своих лет. Но это не так. Люди его судьбы вообще редко выглядят молодо. Но спортивность его облика, незаурядную физическую силу вы отметите сразу. И трудно поверить, что когда-то в школе против его фамилии враг вывел протестный приговор: «Освобожден от физкультуры».

Обжаловано этот приговор, по-видимому, не поджелал. При ослабленных порок сердца медицина рекомендует размерный и осторожный образ жизни. Только подросток не мог согласиться с чувством, в котором стыдно было даже признаться, — с завистью.

Время тогда было тяжелое. Беспорядочное, хулиганье терроризировали улицы. Но был среди компании подростков один, Володя Ершов, с которым остальные никого не боялись. Человек мог за себя постоять. Это было заметно с первого взгляда. А если вы подходили ближе, то видели на его груди значок ПТО.

Комплекс ПТО был трудным и романтичным. Следовало уметь ездить на лошади и водить мотоцикл, прыгать с парашютом и прыгать в высоту с шестом, стрелять и выполнять сложные гимнастические упражнения...

Значок был из настоящего серебра со штампом Монетного двора на обороте. Он стал целью жизни Мирона...

— Что может быть обычнее этой истории: человек преодолевает чувство неполноценности, — сказал Черноглазов. — Много лет спустя в судьбе одного из моих учеников я увидел повторение своей собственной.

Одноклассники в начале урока класс встали в зале — ладные, подтянутые, крепкие ребята. Дежурный направился ко мне отдать рапорт. Все стисло.

И вдруг в этой тишине внезапно послышалось всхлипывание. Я отпустил. На склянке освобожденного плакал Валек Быстров.

В зале была во нас такая слякма. Стою врану усомниться в здоровье ученика, как его тут же освобождали от занятий. На всякий случай. Но на уроках физкультуры эти ребята должны были находиться вместе с классом. Считалось, что освобождают теоретический курс.

Во многих это была перекрестная. Но с Быстрым дело было иное: помимо прочих хороших, у него случались приступы астмы прямо на уроках. Был он не то что бледен, а даже как-то желтоват.

Другие «освобожденные» привыкли к своему положению, нашим более спокойные привязанности, непохоже учились. Валек же, видимо, озлобленный на собственную хворь, учился

скверно и бредил лишь одним — спорту. Он бегал во всех спортивных забегах города, не пропуская ни одного соревнования, знал анонсы тренеров. Но все они отказывали его настоятельным просьбам, боялись, как бы во время тренировок с ним не случилось несчастье. Его даже и врану не отсылали. Все, как говорится, становилось хроникой с первого взгляда.

Я понял всю меру Валкиной зависти к здоровью, которую означала для него всякая физкультура, когда однажды увидел раскрытым чемоданчик, в котором он носил в школу учебник. Изнутри крышка была оклеена фотографиями спортивных знаменитостей. А наиболее близкие Валкины друзья удаивались чести своим

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

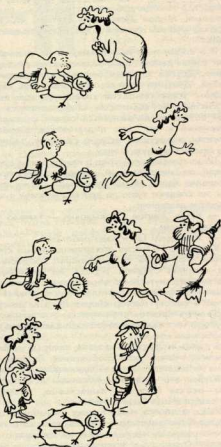

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

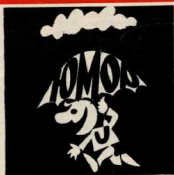

Рисунок Александра МОРЕВА

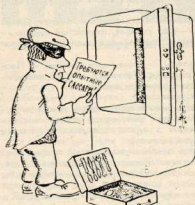

Рисунок Сергея ТЮННА

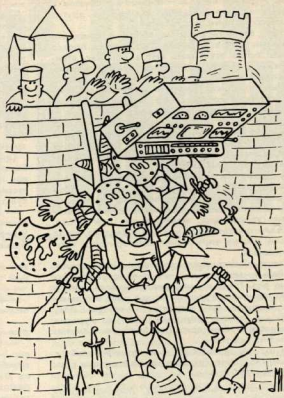

Рисунок Евгения МИЛУТКИ

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

Рисунок Сергея ТЮННА

Генриэтта НИКОЛАЕВА

ПОГОВОРИМ ЗА ЖИЗНЬ !..

Юмореска

С раннего детства меня постоянно осаживали. Со всех сторон и только и слышала:

— Мала еще, нос не дорос!
— От горшка два вершина, а туда же!

— Не лезь поперек батьки в пекло!
Постепенно я прониклась уверенностью, что основная, настоящая часть моей жизни меня еще только ожидает. Недаром же знакомые и родственники постоянно твердили:

— Куда спешить, еще успеешь!
— Вырастешь — поймешь!
— Не старайся обогнать свой возраст!

— Не торопись жить!
— У тебя еще все впереди!

Терпеливо омидал обещанного, я вдруг в какой-то момент заметила, что эти высказывания приобрели несколько иной смысл. Теперь знакомые и родственники говорили:

— Ну, тебе это уже не по возрасту.
— В твои годы не стоит и этому возвращаться!
— С этими ты, пожалуй, уже опоздала!

— Минувшего не вернуть!
— У тебя уже все позади!
Возмущенная, я собрала знакомых и родственников и потребовала конкретно указать, где же все-таки моя жизнь: впереди или позади?
Поспевавшая, знакомые и родственники объявили:

— Жизнь прошла мимо!

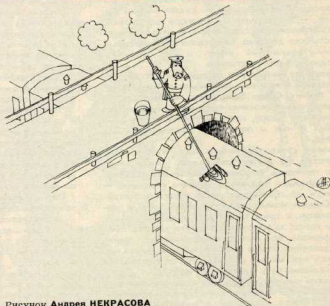

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

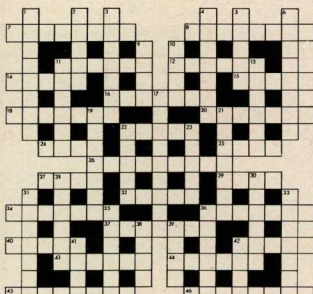
НАШ АДРЕС: 101437, ГСП, МОСКВА, А-15,
Бульварный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 11/11 1974 г.
Усл. печ. л. 5,60
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125065, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

А 00730. Подписано и печатно 25/11 1974 г. Формат 70 x 108/8.
Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 497. Заказ № 1767.
125065, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

КРОССВОРД

Составил **В. КАМАРЗАЕВ**,
г. Орджоникидзе

По горизонтали:

7. Комедия Н. В. Гоголя.
8. Персонаж оперы Ш. Гуно «Фауст».
11. Небольшой аллегорический рассказ из жизни митовских. 12. Руководитель в спортивных упражнениях.
14. Игурия степная птица. 15. Торговый центр в Нигерии. 16. Река в Западной Африке.
18. Писатель, автор обличьевого произведения. 20. Гадюкообразный химический элемент.
22. Один из героев «Илиады». 24. Порт на севере Франции. 25. Выпуклая замкнутая кривая линии. 26.

Телескоп. 27. Промысловая пресноводная рыба. 29. Английский утолист, предшественник научного социализма. 32. Единная сила света. 34. Декоративное растение, медонос. 36. Древняя азиатская Панама. 37. Одно из Великих озер в Америке. 40. Ловчая птица. 42. Лабораторный сосуд. 43. Русский скульптор XIX века. 44. Город в Подмосковном угольном бассейне. 45. Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии. 46. Руководитель предприятия.

По вертикали:

1. Норвежский путешественник, этнограф, археолог.
2. Битвенческая единица стиха. 3. Памятник. 4. Корь. 5. Звезда, наиболее яркая в созвездии Лебедя. 6. Штат на востоке США. 7. Русский график, автор иллюстраций к «Мертвым душам». 10. Община судья, депутат. 11. Материн. 13. Спортивные соревнования на суше. 17. Персонаж трагедии Ф. Шиллера «Мария Стюарт». 19. Свойство тел сохранять состояние покоя или движения. 21. Отрезок прямой, ограничивающий геометрическую

фигуру. 22. Вид лица спереди. 23. Созвездие советская республика. 28. Советский космонавт. 30. Солёное озеро в Приморской области. 31. Персонаж романа М. Шолохова «Поднятая целина». 33. Город в Горьковской области. 35. Советский богатырь, академик, Герой Социалистического Труда. 36. Русский новеллист и учёный-химик. 38. Ансамбль музыкантов-исполнителей. 39. Станкообразование. 41. Есенина. 41. Морской залив. 42. Центр угольного бассейна на Урале.

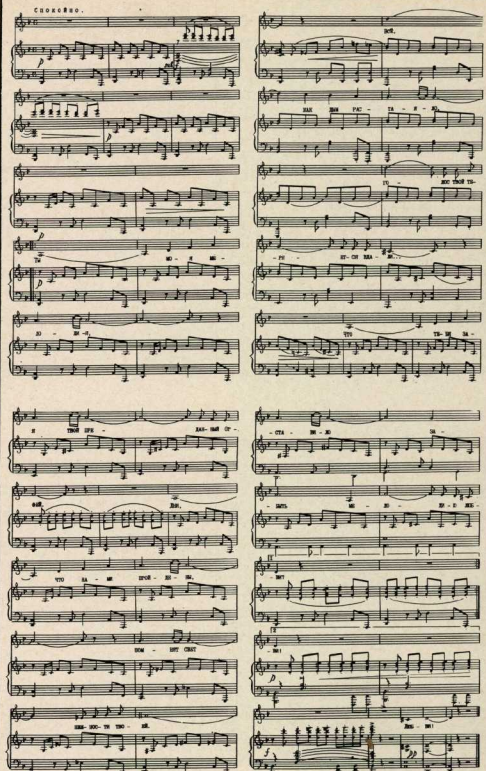
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД.
ИМПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

7. ТригонOMETрия. 10. Тарасовка. 11. Увертюра. 14. Каменья. 15. Висас. 17. Антонио. 20. Кривиз. 21. Кифарист. 22. Тенет. 25. Ангара. 26. Курорт. 27. Понсебирек. 28. Самара. 30. Ралица. 35. Очар. 37. Афелия. 38. Строн. 41. Калорин. 44. Пирамида. 45. Оператор. 46. Норвежский.

По вертикали:

1. Армавир. 2. Игрок. 3. Анжара. 4. Амуду. 5. Штрет. 6. Дистант. 8. «Катюша». 12. Гаприлианини. 13. Консерватор. 16. Катанатор. 18. Караваев. 19. Выгара. 20. Манаев. 24. Анора. 29. Анабасис. 31. Дистроф. 35. Пинфоро. 36. Саванна. 39. Трасс. 40. Оборот. 42. Цитра. 43. Верди.

МЕЛОДИЯ

Слова Николая ДОБРОНРАВОВА
Музыка Александры ПАХМУТОВОЙ

Ты моя мелодия,
Я твой преданный Орфей.
Дик, что нами пройдем,
Помнит свет нежности твоей.

Все, как дым, раставло,
Голос твой терется вдаль...
Что тебя заставило
Забить мелодию любви!

Ты мое солнышко,
Тайна долгого пути.
Сквозь дожди осенние
Слышу я горькое «прости»...

Зорь прощальных зарево.
Голос твой терется вдаль...
Что тебя заставило
Предать мелодию любви!

Ты мое признание,
Сияя, ставшая судьбой.
Боль забвенья раннего
Знал Орфей, преданный тобой.

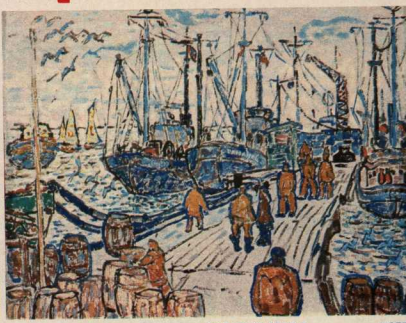
Стать моей Вселенною,
Смолнивающие струны вины.
Сердцу вдовольному
Верни мелодию любви!

УРАЛ САМОЦВЕТНЫЙ

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ.

СЕДЯЯ СТАРИНА.

ПОРТ.

Альберт Четвериков работает в разных жанрах, — пишет и портреты и натюрморты, но, пожалуй, главное в его творчестве — пейзаж.

После окончания Ивановского художественного училища молодым художником овладеть, как это порой бывает, охота и перемене мест. Он писал заросшие иванькой луговые речки в средней полосе России, таинные пейзажи северных областей, сверкающие берега Оки. Потом жужа далёким странствиям привлек его и солнечные берега Черноморья, на зелёные склоны дальних гор Кавказа. Но всегда и везде А. Четвериков искал свой пейзаж, тот, в котором с наибольшей полнотой и убедительностью он мог бы выразить своё собственное отношение к миру. И художник нашёл этот пейзаж. В первой же поездке на Урал.

В уральском цикле (а это уже десятки картин и этюдов) А. Четвериков с большой выразительностью и правдивостью сумел показать многообразный и неповторимый лик этого иран нашей земли. Именно здесь открыл он изобразительные созвучия, родствен-

ные своему темпераменту, внутреннему отношению к миру. Его не привлекают ни серые, ни грустные дни, ни сумрачная дичность Уральских гор, — всему им инстинктивно звучит в его картинах мизантропическая, оптимистическая мелодия. Художник видит в уральской природе жизнь красной и строит живопись на тепло-холодных отношениях, так, чтобы соседние тона подчеркивали друг друга, выявляя всю полноту цветовых сочетаний. А Четвериков никогда не стремится к точному копированию природы; его рисунок, композиция и колорит воссоздают обобщённый образ природы. Это даёт зрителю возможность увидеть не случайные ее черты, а самую суть. Так, замшевые валуны с тонкими придами бероз над ними возмущающе причудливым и совершенным кружевом, которое сплела сама природа, а плавающие обводы рыбацких лодок, повторяющие собой очертания лесных уральских озёр, заставляют остро ощутить художественную целостность и этой картины и мировосприятия автора.

Алексей НИКОЛАЕВ